

Стрела

ГАБИНЧИ

УДАРНЫЙ
ХИТ
ОТ ИЗВЕСТНОГО
АВТОРА

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Алекс Орлов
Стрела Габинчи

«Автор»

2010

Орлов А.

Стрела Габинчи / А. Орлов — «Автор», 2010

Иногда мечты воплощаются, правда, не всегда так, как о том мечталось. Это испытали на себе два шестнадцатилетних жителя средневекового города, затерянного то ли в прошлом, то ли в чьем-то будущем. Увлеченные рассказами о дальних странствиях и путешествиях, они неожиданно оказались обвиненными в преступлениях, которых не совершали. Прачкин сын — Клаус и кухаркин сын — Ригард бегут из ставшего вдруг враждебным города в не менее враждебный и трудный для выживания окружающий мир. Теперь им предстоит кормиться лишь своими трудами и защищаться своими силами, продолжая бесконечное путешествие поневоле.

© Орлов А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	11
5	13
6	17
7	20
8	23
9	24
10	26
11	28
12	30
13	31
14	33
15	37
16	39
17	41
18	46
19	48
20	52
21	55
22	57
23	59
24	61
25	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алекс Орлов

Стрела Габинчи

Внезапный и жесткий удар оторвал Галлена от подоконника, перенес через комнату и швырнул в противоположную стену.

Арбалет улетел в угол, едва не попав в Ригарда, а один из болтов выскочил из зажима и, подпрыгивая, поскакал к ногам Клауса.

Ударившись о стену, Галлен потерял сознание, и на какое-то время воцарилась жуткая тишина. Клаусу показалось, что их единственный защитник убит, и Ригард, видимо, решил то же самое. Но вскоре Галлен зашевелился и сел.

– Все живы? – спросил он как ни в чем не бывало.

– Живы, ваше благородие, – хрипло ответил Клаус, сжимая во вспотевшей ладони рукоять даги.

– Тогда – к оружию. Сейчас будет приступ...

1

У пряничной лавки купца Эйдельсона Клаус простоял около четверти часа, наблюдая за тем, как покупатели разбирают сахарные коврижки и маковые пирожки с изюмом. Была весна, праздник Нового Солнца, и те, у кого водились денежки, баловали себя и своих близких подарками.

У Клауса денег не было, поэтому оставалось только смотреть.

Работы себе он пока не искал, а тех медяков, что зарабатывала прачкой его мать, хватало только на кашу да две пары белья на год.

– Покупайте моченые яблочки! Яблочки зимние, мягкие, прямо из бочки! – кричал соленщик, толкая перед собой тележку с опустевшими бочонками. В праздник хорошо продавались и рамсельская капуста, и огурцы, и морковка с перцем. Товара почти не осталось, тележка катилась легко, оставляя резкий запах прошлогодних рассолов.

– Бери пока дешево, парень! – крикнул довольный торговец.

– Денег нету, – сердито ответил Клаус.

– Эх, денег нету – бери так!

В порыве щедрости соленщик красными руками выхватил из бочки несколько моченых яблук и сунул Клаусу, намочив его латаную куртку вонючим рассолом.

Клаус не знал, благодарить ему или ругаться, а тут еще на другой стороне улицы появилась Ядвига, дочка купца Соломона, и с ней две девицы из домов победнее. Девушки искали развлечений, и облитый рассолом Клаус подходил для этой цели как нельзя лучше.

– Ой, посмотрите, это же Клаус! – воскликнула одна из девушек, предвкушавшая потеху.

– Клаус, прачкин сын! – поддержала ее Ядвига. – Посмотрите, да он, кажется, в штаны напустил от страха!

Клаус посмотрел на сморщенные яблоки, на натекший под ноги рассол. Он умел быть грубым, но сказать плохое слово Ядвиге язык не поворачивался, ведь по ней он тайно вздыхал не первый год.

Бедняга вздохнул и, повернувшись, пошел прочь, подгоняемый обидными кличками. Чтобы не слышать их, Клаус стал есть горько-кислые яблоки.

Чем дальше он уходил от центра города, тем малолюднее и грязнее становились улицы. Канавы здесь в отличие от центра никто не чистил, помой выливали прямо из окон, и если бы не узкая полоска мостовой, положенная лет двести назад, люди пешими вовсе бы не ходили. Грязь.

– Эй, Клаус! – позвал кто-то. Клаус обернулся и узнал своего знакомого – Ригарда. Их сближало то, что оба росли в неполных семьях, но Ригард жил посытнее, ведь его мать работала кухаркой в доме бургомистра.

– Привет, Румяный.

– Привет. Куда идешь?

– Домой, куда ж еще? Вот, купил моченых яблочков.

– Ну-ка, дай попробовать, – попросил Ригард, который никогда не отказывался ни от какой еды.

Они постояли, поели яблук.

– Дрянь яблоки, – сказал кухаркин сын и вытер рукавом рот. – Ты их почему брал?

– Нипочем. Я их украл, когда соленщик отвернулся, – соврал Клаус.

– Воровать нехорошо, – заметил Ригард.

– Ага, матери своей расскажи, – усмехнулся Клаус, желая за обиды, понесенные от Ядвиги, унижить розовощекого Ригарда.

– Поберегись, холопы! Поберегись! – разнеслось над улицей, и редкие прохожие стали прижиматься к стенам.

– Смотри, солдаты скачут! – воскликнул Ригард со смесью ужаса и восторга.

– К стене давай! – сказал Клаус и толкнул приятеля в зловонную лужу. Впрочем, и сам поневоле прыгнул в грязь, потому что на узкой улочке со всадниками им было не разминуться.

Вздывая грязные брызги, мимо проскакал отряд из пяти всадников. Их лошади выглядели исхудавшими, амуниция потертой. На щитах белели заплатки, на нагрудниках – рубцы.

– Ишь, какие злые, – проворчал Ригард, когда отряд скрылся за поворотом. – Так и нороят народ в грязь спихнуть!

– Злые, ясное дело. Как лорды замирились, у них ни жалованья не стало, ни добычи, – пояснил Клаус, который любил слушать, что говорят приезжие купцы на речном причале.

– Ты о какой добыче говоришь? – уточнил Ригард и, посмотрев на свои башмаки, добавил: – Меня мать теперь прибьет.

– Ничего, почистишься. А то и мне принесешь, нам лишний заработок не помешает.

– Тебе потом деньги платить, – покачал головой Ригард, выбираясь на сухое.

– Неси пряник обсыпанный, мать тебе их почистит и на деревяшке растянет – даже жать не будут.

– Ну... – Ригард почесал в затылке. – Я подумаю. Ну а как там насчет солдатской добычи?

– А ты разве не знаешь, что если солдаты берут крепость, так все золото, посуда и рухлядь к ним в добычу переходит?

– Нет, не знал.

– Так оно в войнах и бывает. Вот лорд Ортзейский воевал против лорда Брейгеля, уже почти победа случилось, а потом они замирились, и Ортзейский от соседа откупился. Тот прекратил войну, дружину свою увел, а наемным солдатам Ортзейского добычи не досталось.

– Ты откуда знаешь?

– Оттуда, – с важным видом произнес Клаус. – Ну ладно, недосуг мне тут с тобой болтать, нужно еще в котел воды натаскать, а потом дров притащить. Это мне часа три не разгибаться.

– А на берег приедешь?

– Не знаю еще.

На берегу реки Варбицы, протекавшей в полумиле от городской стены, Клаус и Ригард обычно встречались с другими своими сверстниками. Раньше они играли там в салки и камешки, повзрослев, стали вести разговоры о девушках, ремесле и дальних путешествиях, в которые, без сомнения, отправлялись с пристани неуклюжие барки заезжих купцов.

Эти суда ходили всего-то на пару сотен миль, но подростки считали, что их владельцы смелые мореплаватели и, уж конечно, спускаются по рекам до самого океана.

2

Первым, как обычно, на место встречи пришел Ригард. Оглядевшись, он не нашел никого из друзей, широко зевнул и сел на бревно, отполированное штанами за много лет посиделок.

В животе Ригард чувствовал тяжесть: пожалуй, последняя дюжина пирожков была лишней. Он вспомнил, как видел на празднике Ядвигу и не решился заговорить с ней. Правда, Клаусу, чтобы позлить этого зазнайку, рассказать об этом следовало иначе.

Со стороны Старого города послышался скрип уключин, вверх по течению поднималась плоскодонная барка. Ригард встал с бревна, ему стало любопытно, что это за судно – оно выглядело куда крупнее, чем большинство судов на Варбице.

Вскоре он сумел рассмотреть на мачте флаг, это были гости из Торнзейской земли, оттуда в город Денвер возили пушнину, воск и серебро. Торнзейские леса славились своими богатствами.

Барка была двадцативесельной, и гребцы на ней сидели привычные. Ни криком, ни кашлем, ни громкими возгласами они не выдавали свою усталость, и весла ложились на воду мягко, без лишних брызг.

Когда барка поравнялась с Ригардом, к борту подошел хозяин, бородатый черноволосый купец в кафтане из красного сукна.

– Эй, парень, далеко ли до пристани? – крикнул он басом.

– С полмили будет, – ответил Ригард и, подумав, добавил: – Ну, может, чуть побольше...

Барка прошла мимо. Ригард огляделся и увидел спешащего к месту встречи Клауса, который тоже провожал уходящее судно взглядом.

– Давно сидишь? – спросил он.

– Какое-то время, – ответил Ригард, ослабляя пояс. – Душно сегодня.

– Нажрался небось харчей с чужого стола, вот и жарит тебя, – не без зависти проворчал Клаус и сел на бревно.

– Батраки-то придут сегодня? – спросил Ригард, не желая продолжать эту тему.

– Покончат с работой – придут, – ответил Клаус и, привставая, добавил: – А вон и они!

Дирк и Эдгар двигались степенно, как и подобало сельским работникам. Хотя оба и жили в городе, работа на хозяина им нравилась, к тому же помимо заработка они имели готовый стол и никогда не оставались голодными.

– Здорово, деревня! – с усмешкой произнес Клаус, когда Дирк и Эдгар подошли ближе.

– И тебе здоровычка, вша городская, – ответил добродушный Дирк.

А Эдгар и вовсе ничего не сказал, только почесал пониже поясницы и уселся на бревно.

– А я на празднике Ядвигу видел, – сказал Ригард.

– Ну так и что же, – пожал плечами Дирк, – за погляд денег не берут.

– Небось из-за угла любовался, – прошипел Клаус.

– Ну как же, мы даже парой словечек перекинулись.

– Ну и что, далеко послала? – поинтересовался Эдгар и широко зевнул.

– Эх, рожа ты коровья, – отмахнулся Ригард. – К тебе-то девки и на милую не подходят, потому как навозом разит.

– В отличие от других честно работаем, обедков со столов не сшибаем.

Дирк засмеялся, а обиженный Ригард отвернулся и стал смотреть на Старый город.

– А ты когда работу найдешь, Клаус? – спросил Эдгар. – Долго еще шалопанить будешь?

– А тебе какая вожжа под хвост попала? То на Румяного набросился, теперь ко мне лезешь!

– Да он тебе работенку хочет подбросить, – сказал Дирк, который, насидевшись на дойке пятнадцати коров, теперь с удовольствием отдыхал стоя.

– Да мне работы хватает, вон руки чуть не до земли оттянул – воду таскал... А что там за работа?

– У соседа хозяина нашего, пасечника Римаса, шершни два улья вычистили. Он теперь месть великую задумал, дупло, где шершни живут, разведаль. В роще оно в тополиной, там, где дерево, молнией разбитое, стоит.

– Ну а работа-то в чем?

– Римас не молодой уже, а там лезть футов двадцать. Он его уже и сжечь хотел, да лесничий грозит лорду донести. Вот он и думает, где бы охотника найти на такое, чтоб не побоялся.

– Дерево, что ли, сжечь?

– Да какое дерево? Экий ты непонятливый, – вмешался Эдгар. – Дерево жечь нельзя, лесничий не велит. Их надо как-то выманить или водой залить. Пасечник за работу четыре медные деньги обещает.

– Нашел дурака – за четыре деньги шершням подставляться, скажи, пусть восемь дает, тогда мы подумаем. Небось пчелки подороже стоят.

– Ты что же, и нас хочешь в это дело затянуть? – спросил отошедший от обиды Ригард.

– Одному там делать нечего, сколько бы ни платили. А так у нас и на выпивку, и на закуску деньги будут. Если к Кусману в «Пьяную елку» пойти, и сытые будем, и еще сдачи останется.

– Пьянствовать нехорошо, – с наставительной интонацией заметил Ригард.

– А ты и не будешь, просто рядом посидишь.

– Мы можем в субботу, – сказал Эдгар, поднимаясь с бревна. – Только придумай, как шершней гонять будешь.

– До субботы что-нибудь придумаю.

– Ну что, пошли до пристани? – предложил Дирк. – А там разойдемся, нам с Эдгаром завтра в пять утра вставать.

– Пошли. Заодно я вам заводь новую покажу, там, где в прошлом году песок для дороги брали, – пообещал Клаус.

– Хорошая заводь?

– Вьюны водятся, много. Ночью с фонарем даже руками ловить можно.

3

В субботу, как и договаривались накануне, вскоре после восхода солнца Клаус с Ригардом встретились у поваленного дерева. Погода обещала быть хорошей, и, пользуясь утренней тишиной, вдоль берега, не опасаясь охотников, плавали дикие утки.

Со стороны пристаней доносился стук молотков – с рассветом команды барок занимались ремонтом.

– Ну чего, Румяный, небось сытый пришел? – спросил Клаус, затягивая веревочный пояс.

– А то... – Ригард усмехнулся. – А ты чего, на завтрак не заработал?

– Заработал. Да только мой завтрак завсегда постнее твоего. Пошли, что ли?

– Идем, чего же ждать? Дирк сказал, у деревни нас встретит.

И они пошли вдоль берега, вспугивая по дороге уток и куликов, семенивших по приборной полосе в поисках добычи. Постепенно приятели разговорились, и между ними не осталось и следа от прежней колкости и злых насмешек, с которых каждую их встречу начинал Клаус.

Но это был лишь своеобразный ритуал, и если Ригард болел и подолгу не появлялся на улице, Клаус по нему скучал.

– Вот, к примеру, лоранская барка: дно плоское, киль слабый, зато доходит по ручьям до самых верховий и чинить ее удобно, – говорил Ригард, отставив свою точку зрения.

– Не знаю, – покачал головой Клаус. – Мне нравятся суда быстрые, чтоб до моря и дальше к океану. Чтоб волны не боялись и руль чтоб пять человек крутили. Помнишь, как по весенней воде к нам галера из Петрона приходила?

– А то! Разве такое забудешь? – согласился Ригард, доставая из кармана засахаренный сухарик.

– Мешков она сгрузила до тыщи, не меньше.

– Это да, знатное судно и точно, что с моря пришло.

– А гребцов помнишь, сколько было?

– По пятьдесят с каждого борта.

– И солдаты для охраны!

– А мачт – аж две штуки!

– Эх, мне бы денег заработать, сбежал бы в Петрон, честное слово! – признался Клаус и покосился на сухарь Ригарда. Тот отломил половину и подал ему.

– Что, правда, вот так сбежишь и мать одну бросишь?

– А что мать, я ей только в обузу... Ну и потом, я ж капитаном зарабатывать буду, а с таким жалованьем побольше ей помогу, чем сейчас, воду да дрова таская...

– Ну, капитаном тебе не скоро стать, – заметил Ригард, когда они поравнялись с лодкой, в которой двое рыбаков вытягивали пустую сеть и ругались на неудачу.

– Вот дураки, им к затону нужно, – сказал Ригард.

– Ага. Только в затоне шилка и пузырь-рыба, а они небось сомов ищут да щук столетних!

– Пошли вон, молокососы! – закричал на них бородатый рыбак, который услышал их слова и, поднявшись в лодке, швырнул в подростков лягушку. Они засмеялись и побежали прочь, а лягушка шлепнулась в траву и, квакнув, прыгнула в воду.

– Ну что, надо к затону править, нету здесь никаких сомов, – сказал второй рыбак.

– Знаю, что нет. Давай, садись за весла.

4

Река отвернула на юг, и Клаус с Ригардом ушли с берега на хорошо накатанную дорогу, по которой деревенские ездили в город.

- Ух, запарился я уже... – пожаловался Ригард. – До чего же далеко деревня!
- Полторы мили всего. Батраки каждый день туда-сюда отмахивают – и ничего.
- Они вон какие здоровые, батраки-то. Им и десять миль не дорога.

Навстречу ехала телега, и Клаус с Ригардом сошли на обочину. За первой последовала другая, потом третья. Крестьяне везли в город картошку, капусту, зелень, кур, поросят, и пока Клаус с Ригардом шли по этой дороге, количество телег не уменьшалось, поскольку в нее вливались проселки, ведущие из других, более отдаленных поселений.

Так, продолжая вертеть головами и обсуждая грузоподъемность возов, приятели добрались до первой линии домов и увидели Дирка, который стоял на траве босой и лужгал тыквенные семечки.

- Чего головы крутите, лошадей не видели? – спросил он с усмешкой.
- Мы не на лошадь смотрим, а на их хозяйку, – ответил Клаус.
- Потом посмотрите на хозяек, пойдемте, покажу вам пасечника, а дальше сами договаривайтесь.
- Так вы что же, с нами не пойдете? – удивился Ригард.
- А кто за нас работать будет, коровы что, по субботам молоко перестают давать? Ну ты и дурак, Румяный.

– Зато ты больно умный, – огрызнулся Ригард и, достав из кармана второй засахаренный сухарь, разломил его и, мстительно покосившись на Дирка, сунул половину Клаусу.

– Хорошие здесь дома, крепкие, – сказал Клаус, удивляясь тому, что в деревне люди живут вольготнее, чем в городе.

– А то! – подтвердил Дирк. – Нам в Денвере такая жизнь и не снилась. Только за такую свободу работать много приходится. Наш хозяин до трети отдает лорду в високосный год и до четверти в обычный. А еще у него пятеро детей, да нас, работников, четверо человек. Приходится покрутиться.

– Да уж, – согласился Клаус, прикидывая, сколько бы ему пришлось таскать воды и дров, если бы еще и лорду пришлось до трети выплачивать.

Денвер считался свободным городом и налогов лорду не платил, только небольшую мзду с базарной торговли.

– Эй, дураки! – закричал из-за забора какой-то подросток и швырнул в проходивших ком земли.

– Весело тут у вас, – сказал Клаус, увернувшись от снаряда.

– Это Гилберт, мы его третьего дня на конюшне застали – овес воровал, ну и высекли. Теперь вот злобствует.

Так, за разговорами, они вышли на окраину деревни, где дом пасечника Клаус с Ригардом узнали и сами.

На его участке было мало построек и небольшой огород, а вся остальная земля была засажена клевером и по границам – высокими многолетними цветами. На свободной площади стояли около полусотни ульев, выдолбленных из старых лесных колод.

Сам пасечник возился под навесом у дома, подрезая что-то на новых рамках большим загнутым ножом.

– Эй, хозяин! Работников привел! – крикнул Дирк. Пасечник оглянулся, оставил работу и поспешил к калитке.

Его волосы и борода были почти седыми, и это делало его старше, однако молодая осанка и живые глаза на загорелом лице говорили о том, что ему не более пятидесяти лет.

– Эти, что ли? – спросил пасечник, глядя на Клауса с Ригардом поверх калитки.

– Эти, – уверенно ответил Дирк, сплевывая шелуху.

– А совладают?

В голосе пасечника слышалось сомнение.

– Совладают. А не совладают – денег не заплатишь, – сказал Дирк. – Ладно, пойду я, мне коровник чистить надо, а вы тут сами договаривайтесь.

– Так ты сам-то не пойдешь? – удивленно спросил пасечник, как и Клаус с Ригардом какое-то время назад. – Лестницы-то кто понесет?

– Лестницы не нужны, – авторитетно заявил Клаус.

– Не нужны? – переспросил пасечник, глядя вслед уходящему Дирку.

– Не нужны.

– А что нужно?

– Три шеста полуторных, веревка, чтоб их связывать, большая старая ветошь, ведро воды, кресало и трут. А еще кусок мяса величиной с кулак.

– Ишь ты! – поразился пасечник. – А кресало зачем? Лес подпалить хочешь?

– Не бойся, ты платишь деньги, а мы все делаем правильно.

– Ты платишь – мы делаем, – поддержал приятеля Ригард.

– Шесть полных денег плачу.

– Шесть – мало, – покачал головой Клаус.

– Это никуда не годится, – сказал Ригард. – Таких и цен-то нигде нету.

Пасечник смутился. Слишком уже слаженно действовали эти двое.

– Хорошо, дам восемь медных денег, если дело сделаете, и это... мясо-то зачем?

– Для прикормки.

Пасечник почесал в затылке и оглянулся на свои улы.

– Мяса нету, но я могу у соседа цыпленка потрошеного купить. Сгодится цыпленок?

– Сгодится, – уверенно заявил Клаус.

5

Через полчаса небольшой отряд выдвинулся в сторону темнеющего у горизонта леса, где, по словам пасечника, находилось дупло шершней, уничтоживших его пчел.

Пасечник шел первым и нес пустое ведро с ветошью. Воды, по его словам, можно было набрать недалеко от дупла – в низине.

Клаус и Ригард несли длинные шесты и веревку, поделив ношу поровну. Тропинка шла через поля, из придорожной травы выпрыгивали целыми стаями потревоженные кузнечики. Трепеща крылышками, они перелетали на несколько шагов вперед, чтобы затем снова прыгнуть и бешено помчаться дальше.

– Ишь, как взвились, дармоеды! – комментировал их поведение пасечник. – Нет бы пользу какую приносили, а то ведь только жрать горазды, и проку от них никакого. Разве что на наживку для рыбы сгодятся.

Ригард кузнечиков побаивался и, когда они касались его рук, вздрагивал и закрывал глаза, при этом пару раз ткнув Клауса шестом в спину.

– Ты глазами-то смотри! – ругался тот. – Тебе что, дороги мало?

– Извини, Клаус, это меня эти... Ух ты! Опять!

Ригард отдергивал руку и едва не ронял жерди.

– Они еще и колются, Клаус!

– А как было бы хорошо, если бы шершни пчелок не трогали, а жрали этих толстопузых, – продолжал свою тему пасечник. – Или вот хотя бы червей. В лесу их на деревьях видимо-невидимо. Ведь птички-то клюют и вон какие веселые. А эти... Все норовят в улей залезть.

Пасечник сплюнул и сокрушенно покачал головой.

– Разбойники дорожные, одно слово.

Шли они долго – около двух часов, сделав по пути две остановки на отдых. Ригард уже и не рад был, что ввязался в это дело. Заработать ему хотелось, но он не был приспособлен к физическому труду так, как Клаус, которому каждый день приходилось носить воду и дрова с реки, со старой пристани.

Наконец, когда Ригард уже собирался пожаловаться на натертые ноги, отряд вышел на опушку, где стояло большое засохшее дерево. Примерно на высоте в три человеческих роста в стволе зияло дупло, возле которого вилось несколько шершней.

– Это они? – спросил Ригард, садясь на траву.

– Они самые, – ответил пасечник, поглядывая на своих врагов исподлобья. – Сколько воды принести, полное ведро?

– Положи в него ветошь и залей водой, мне нужно, чтобы она мокрая была, – сказал Клаус, стараясь держаться солидно.

Пасечник смерил его оценивающим взглядом, выложил сверток с тушкой цыпленка и, подхватив ведро с ветошью, пошел к озерцу, от которого ветерком доносило запах тины.

– Ну что, Румяный, помогай мне, – сказал Клаус и, прикинув на глаз высоту до дупла, стал прикладывать друг к другу жерди.

– А откуда ты все это знаешь, Клаус? – поинтересовался Ригард, подавая веревку. – Ты чего, когда-то шершней гонял?

– Да я их раньше и в глаза не видел, – усмехнулся Клаус и покосился в сторону ушедшего пасечника. – Это меня Брицай надоумил.

– Пьянчуга, что ли?

– Он самый. Я весь вечер воду таскал и все раздумывал, как все это сделать, чтоб не покусали. С лестницы-то опасно...

– Опасно, – согласился Ригард, прислушиваясь к низкому гудению шершней.

– Ну вот, шел я себе с последней парой ведер, а тут навстречу Брицай. Дай, говорит, попить, нутро горит – мочи нету. А я ему говорю, так, для смеху, расскажи, мол, как шершней выгнать, тогда дам воды... Тот мне все и выдал. Пришлось дать воды.

– Понятно.

– Вот тут придержи пальцем... Ага... А теперь убирай, затягиваю...

Первые две жерди были скреплены, и Клаус потряс получившуюся конструкцию, проверяя ее надежность.

– Порядок, давай третью палку.

– Так что тебе пьяница рассказал?

– А вот так все и рассказал. Мясо, говорит, чтобы всех приманить в дупло. Они мясо сырое очень любят.

– Ишь ты, – покачал головой Ригард. – А кресало и трут – чтобы поджигать?

– Ясное дело. Надергаем сухого мха, подцепим на палку и бросим в дупло. Тут-то им и конец придет.

– А мокрую ветошь, чтобы дерево не загорелось? – догадался Ригард.

– Правильно мыслишь, Румяный, – сказал Клаус и, со всей силы поднатужившись, крепко затянул последний узел.

Из кустов появился пасечник с водой и мокрой ветошью.

– Ну вы и мачту связали! – воскликнул он издали, увидев, как Клаус, поставив один конец на землю, проверяет, как управляется вся снасть. Ее высоты оказалось достаточно, даже с запасом. Заметив угрозу, пара шершней-разведчиков облетела снасть и вернулась к дуплу.

– Смотри-смотри, они нападают! – запаниковал Ригард.

– Не ори! – одернул его Клаус, хотя и ему показалось, что гигантские осы собираются их ужалить. – Давай, насаживай цыпленка на шест!

– Как я это сделаю?

– Ладно, давай я помогу, – вызвался пасечник и, развернув сверток, достал тушку цыпленка.

Пока он с ним возился, Клаус отошел от опушки и набрал с деревьев пучок сухого мха. Когда он вернулся, наживка была крепко насажена на шест.

– Готово! – сообщил пасечник.

– Хорошо, – сказал Клаус. – У меня тоже готово. Вот тебе мох, накрути на него веревку, чтобы потом за палку прицепить, и будь готов запалить его. Кресало-то взял?

– Оно при мне, – ответил пасечник, похлопав себя по карману.

– Хорошо. Готовься пока.

Клаус поднял шест и начал короткими шагами приближаться к дереву. От его поступи составной шест с наживкой на макушке начал раскачиваться, и чем ближе подходил к дереву Клаус, тем больше беспокоились шершни.

– Румяный, давай сюда! Помогай шест держать, а то они злиться начинают!

– Я? – Ригард оглянулся на пасечника.

– Ты, ты, – подтвердил тот. – Иди, помогай другу, а то сейчас эти твари выскочат и устроят вам хороший приемчик.

– Скорее, Румяный, нужно держать шест! – закричал Клаус, когда над его головой пронесся разведчик.

Пригибаясь к земле, словно под градом стрел, Ригард подобрался к Клаусу и, ежесекундно ожидая атаки гигантских ос, вцепился руками в шест.

– Так лучше?

– Еще не понял, – сквозь зубы ответил Клаус.

– А может, ну их, эти деньги? Может, сбежим, пока не поздно?

– Прекрати плакаться, нам осталось пройти пять шагов, и дело закрутится! – одернул его Клаус.

– Да уж, закрутится... – пробормотал Ригард и зажмурился, когда рядом пронесся еще один шершень.

Их становилось все больше, теперь вокруг приятелей носилось с десяток шершней, а еще столько же вилось возле дупла.

– Давай еще немного... Ригард, да открой же ты глаза!

– Они сожрут нас, Клаус! – завопил Ригард, когда пронесшийся шершень задел его по уху. Это было последним предупреждением.

Тем временем Клаус уже зацепил тушку за край дупла и дернул шест. Наживка упала внутрь, и это вызвало бешеную реакцию шершней. Часть исчезла в дупле, должно быть пытаюсь выдворить того, кто напал на гнездо, а остальные принялись носиться над Клаусом и Ригардом, заставляя их прижиматься к земле. Казалось, что битва уже проиграна, но тут подоспел пасечник с пучком дымящегося мха. Это слегка отпугнуло шершней, однако не заставило их вовсе отказаться от своих намерений. Они лишь увеличили радиус кругов, но все еще держали подозрительных незнакомцев в поле зрения.

– Ну и чего? Дальше-то как воевать будете? – с усмешкой спросил пасечник, окуривая себя спасительным дымом.

– Нужно подождать, пока они на мясо слетятся! – не поднимая головы, прокричал Клаус.

– Непохоже, чтобы они слетались.

– Скоро! Уже скоро все соберутся! – пообещал распластавшийся на траве Ригард.

– Ну-ну, посмотрим, – покачал головой пасечник и пошел к ведру с мокрой ветошью.

Тем временем то ли из-за дыма, то ли привлеченные запахом мяса, но шершни действительно стали залетать в дупло.

– Что там, Клаус? – не высовываясь из травы, поинтересовался Ригард.

– Кажется, подействовало! Надо, чтобы ни одного снаружи не осталось, а то...

– Что «а то»? – тут же спросил Ригард.

– Брицай не говорил. Сказал только, чтобы все залетели, тогда мох бросать можно.

– А про ветошь что говорил?

– Про ветошь он не говорил, про ветошь я сам придумал, – признался Клаус и, поднявшись на ноги, стал звать пасечника: – Эй, давай сюда огонь, пока они всего цыпленка не съели!

Пасечник добавил в дымящийся пучок еще мха и поспешил к Клаусу, который вместе с Ригардом готовил шест к новой атаке.

– Давай скорее, пока они не вылетели! – подгонял пасечника Ригард. Ему казалось, что шершни затаились у входа и вот-вот выскочат наружу. Но пасечник успел вовремя и быстро накинул на шест веревочную петлю. Дымящийся пучок стал подниматься к дуплу, Клаус, от напряжения высунув язык, ловко перебросил дымящийся мох в дупло.

Дело было сделано, Ригард с облегчением перевел дух.

– Ну все, получилось! – сказал он, распрямляясь. – Все задохлись, ни один не вылетел!

Клаус отбросил шест и вытер со лба пот. Из дупла между тем выходил дым, который становился все гуще и белее.

– Дерево разгорается... – заметил пасечник.

Вдруг, словно молнии, дымное облако прошили два шершня и унеслись прочь.

– Последние, – прокомментировал Ригард. – Помирать полетели...

Не успел Клаус добавить что-то, как кто-то ударил его палкой по плечу.

Первой его мыслью была догадка, что это Ригард ополоумел от пережитого, но не успел Клаус призвать его к ответу, как сам Ригард взвыл, как от ожога, и помчался к лесу, отчаянно хлопая себя по заду.

– Ай! Ой! – с запозданием воскликнул Клаус, чувствуя, как немеет плечо. – Ой, что это?

– А это, дружок, привет от шершней! – ответил пасечник с усмешкой и, подойдя к Клаусу, поднял с травы бездыханное насекомое. – Ишь ты, из последних сил тебя ударил.

– Ай-ай, а что теперь делать?! – закричал Клаус, чувствуя, как плечо наливается болью.

– Дупло тушить, вот чего! – ответил пасечник, указывая на клубы дыма, извергавшегося из дупла. – Ты смотри чего делается!

И, не дожидаясь указаний Клауса, он сбегал за ведром с мокрой ветошью.

– Давай уже, поднимай свою мачту, а то лесничий явится и накостыляет нам! А то и в холодную посадит – у него это быстро!

Превозмогая боль, Клаус таки поднял на шесте тяжелую ветошь, с которой в лицо ему капала вода, и при некоторой помощи пасечника сбросил ее в дупло.

Какое-то время они стояли, напряженно глядя на дерево и ожидая, подействует ли их способ. Клаус вытирал с лица пахнущую тиной воду, морщась от боли в плече. Дым ослабевал.

Вскоре из леса, со стороны озера, появился Ригард и, прихрамывая, направился к Клаусу. Его штаны были мокры и перепачканы тиной и ряской.

– Ну и что тут у вас? – спросил он, вставая рядом и стараясь выглядеть мужественно.

– Вроде получилось... – сказал Клаус.

– Получилось, – подтвердил пасечник. – Поквитались мы с ними за моих пчелок. Ну ладно, пойдем в деревню, расчет держать будем.

6

Дирк и Эдгар пришли к «Пьяной елке» за полчаса до назначенного часа, в намазанных салом башмаках, в отутюженных шерстяных штанах и новых холстяных рубахах.

Они стояли напротив входа у пропахшей мочой стены и посматривали на возвышавшуюся над городом часовую башню, которую было видно со всех городских окраин.

У коновязи «Пьяной елки» дремал ослик хозяина заведения, на нем час назад были доставлены соленья из деревни на северо-западе.

Ехать до нее было далеко, и подниматься следовало рано, но хозяин шел на это из экономии, так как в ближних деревнях поставщики были слишком избалованы городскими ценами.

До появления основной массы посетителей было еще далеко, но владелец время от времени выглядывал на улицу, проверяя, здесь ли еще Дирк и Эдгар, и как бы намекая, что пора уже ранним клиентам зайти в зал. Однако те ждали Клауса и Ригарда.

После битвы с шершнями они считались признанными героями и великодушно согласились угостить «наводчиков», благодаря которым им удалось совершить свой подвиг.

Становилось жарко. Хмурый работник у коновязи сметал в коробку высохший со вчера навоз. Осел не давал ему убрать под стеной, и работник негромко его поругивал, однако осел не желал сдвинуться ни на шаг.

В конце улицы появилась молодая прачка с корзиной белья. Дирк и Эдгар тотчас оживились и, подмигивая друг другу, уже собирались отпустить по ее адресу пару соленых шуток, как в конце улицы показались Клаус с Ригардом.

Они тоже приоделись по случаю выхода, правда, Ригард после вчерашних приключений все еще прихрамывал.

В результате прачка удостоилась лишь одобрительных взглядов и пошла себе дальше, а Эдгар и Дирк обменялись с подошедшими рукопожатиями, и вся компания вошла в «Пьяную елку».

Хозяин тотчас выбежал с кухни и, поклонившись долгожданным гостям, предложил место в углу у окошка.

Затем смахнул со стола невидимую пыль и убрал из солонки дохлую муху.

– Садитесь, господа, располагайтесь! Для вас все самое лучшее! – начал он свою льстивую речь. – Чего желают заказать молодые и сильные парни? Мяса, я угадал?

– Да, пожалуйста, – слегка смущаясь, согласился Клаус. – Бараньи ребрышки у вас есть?

– Эй, зачем бараньи ребрышки? – взмахнул полотенцем хозяин. – Я принесу вам жареную свиную вырезку!

Клаус с Ригардом обменялись беспокойными взглядами: свиная вырезка стоила дорого, но хозяин знал, как их успокоить.

– Ради таких хороших гостей пусть вырезка будет по цене бараньих ребрышек!

– Мы согласны, – обрадовался Клаус. Он не знал, что у хозяина с вечера осталась жаркое, которое перепившиеся гости заказали и оплатили, но не успели съесть, так что у него появилась замечательная возможность продать свинину еще раз.

– А что будете пить? Могу предложить смородинно-сливовую наливку по цене яблочного бурса! Полторы меры! Как вам такое?

– Ваша милость, вы с нами прямо как с родственниками! – растрогался Ригард. – Мы согласны, несите все это, и огромное вам наперед спасибо!

– Сейчас же принесу, мои дорогие! – пообещал хозяин и засеменил на кухню, где наемная стряпуха чистила картошку. – Неси из погреба полпоросенка!

– Куда его?

– Неси, тебе сказал, да живо печку растапливай, мне гости свинину заказали!

Стряпуха бросила недочищенную картошку в чан, поднялась и, тяжело переваливаясь, вышла во двор. Хозяин тем временем принялся заглядывать во все шкафы, выискивая спрятанный накануне кувшин, куда вечером сливал украденные у пьяных гостей наливки.

Он точно помнил, что набралась почти половина меры, но вот незадача – кувшин никак не находился.

А в это время четверо приятелей вели неторопливую беседу, чувствуя себя взрослыми солидными посетителями.

– Солдат в городе ужас как много, – сказал Ригард. – Все злые. Вчера на базарной площади горшки побили, а стражнику ногу пикой прокололи.

– Это лордовы солдаты, – сказал Эдгар. – Им сейчас деваться некуда, вот и куролесят.

– А чего же лорд их не выгоняет?

– Денвер свободен от власти лорда. За нас только король может заступиться...

– Но король далеко, – со вздохом сказал Клаус.

Хозяин выглянул из кухни:

– Может быть, пива, господа? Совсем легонькое и вполцены, пока мясо поджарится?

– Хорошо, давайте, – ответил за всех Ригард, рассудив, что они пока что не выбиваются за пределы трех-четырех крейцеров.

На кухню вернулась стряпуха и брякнула на плиту блюдо с половиной поросенка.

– Клара, ты не видала, куда подевался кувшин с наливками?

– Со сборушками, что ли? – уточнила стряпуха, вытирая руки о фартук.

– Ну да, только потише – гости услышат.

– Я его угольщику отдала. Вы же с ним так договаривались...

– Точно! – Хозяин хлопнул себя по лбу. – Чего же мне им теперь подать?

– А кто там?

– Сопляки какие-то. Наверно, первый раз напиток решили.

– Ну, намешай им чего-нибудь с сахаром да с перегонкой. Небось не разберут.

– Придется. А ты пока им пива отнеси, того, что не добродило... Четверти меры будет достаточно. И еще хлеба соленого с перцем подай, пусть аппетит нагуливают.

– Сейчас соберу...

– Только сначала печь, Клара! Печь!

Пока харчевники суетились на кухне, гости скучали за столом и поглядывали в окно. Хотелось есть, но по рассказам они знали, что в трактире обычно приходится подождать.

– Ишь как бегают, – сказал Ригард, услышав стук посуды.

– Угодить стараются. У них в это время посетителей совсем нет, – пояснил Дирк, которому несколько раз приходилось вызволять из заведений пьющего соседа-сапожника.

Откуда-то с улицы донесся окрик, а затем послышался топот лошадей. Несколько всадников торопились по своим делам, и четверо приятелей уставились в окно, стараясь высмотреть, кто это едет мимо, однако мимо никто не проехал. Всадники остановились напротив дверей заведения, послышались неясные голоса и позвякивание удила, когда лошадей привязывали к коновязи. Потом зазвенели шпоры, и в «Пьяную елку» вошли четверо бывших наемников лорда Ортзейского, который их уже уволил.

– Это что за новости? Что за поганцы на нашем месте? – воскликнул один из военных и хлопнул рукой в перчатке по ближайшему столу.

На шум из кухни выскочил хозяин; увидев, кто к нему пожаловал, он едва не убежал обратно.

– Эй, Лутц, почему на нашем месте сидят какие-то крестьянские дети? – закричал военный, доставая из ножен кинжал.

– Господин сержант, ваша милость! Я посажу вас за другой стол – он даже новее этого, я и скатерть вам постелю!

– Я не хочу другой стол, я хочу этот! Ну-ка, сморчки, пошли вон отсюда! – закричал сержант и, звеня шпорами, направился к онемевшим от неожиданности приятелям.

– Позвольте, ваша милость, я сейчас же пересажу их на другое место! – лебезил Лутц, забегая перед сержантом. Он еще надеялся все уладить и не лишиться денег от молодых посетителей, однако сержант был настроен на скандал.

Дирк вскочил первым и, сделав товарищам знак, стал обходить сержанта, чтобы выбежать на кухню. Эдгар, Ригард и Клаус последовали его примеру.

– Что, щенки, испугались? То-то же! Прочь с дороги, не то я вам уши поотрываю! – закричал сержант и с грохотом вогнал кинжал в стол.

Он сел, и рядом с ним расположились его ухмыляющиеся товарищи.

– Давай нам жрать, мошенник! Мяса хочу!

– И пива! – потребовал другой солдат.

– Одну минуту, господа, сейчас все будет! – пролепетал Лутц, вбегая затем на кухню и делая знаки перепуганной стряпухе, чтобы несла солдатам пиво. А сам выскочил во двор и увидел быстро удаляющихся гостей.

– Подождите, господа хорошие!

Бежавший последним Клаус остановился, за ним встали другие.

– Господа хорошие, извините, что так вышло с этими разбойниками!

Лутц обернулся на крыльцо черного хода и покачал головой.

– Я вот чего вам предложить хочу: погода вон какая хорошая, нечего в зале сидеть. Сейчас я вам припасов да выпивку в корзину положу, и идите за город к реке, там и посидите с миром. Чего же праздник отменять из-за досадного случая?

Приятеля переглянулись. Действительно, все были настроены на праздник, и вдруг пришлось бежать.

– Хорошо, выноси, а мы за воротами подождем, – сказал Клаус, и хозяин побежал на кухню.

Стараясь пока не обращать внимания на крики солдат, он торопливо порубил ножом холодную свинину и сложил в лыковый мешок. Потом добавил туда хлеб и несколько вонючих огурцов из бочки.

– Неси жрать, скотина, а то я тебя сейчас навещу! – кричал из зала сержант.

– Уже бегу, ваша милость! Уже почти готово! – прокричал в ответ Лутц, смешивая в полуторном кувшине прокисшую прошлогоднюю смородину, сахар и перегонку. Смесь получилась слишком хорошей, но за другой – похуже, нужно было бежать в погреб, а времени не было.

Заткнув кувшин кукурузным початком, Лутц сунул «вино» в мешок и, выскочив во двор, побежал к забору.

– Пожалте ваш заказ, господа! Всего за пять крейцеров!

– Ты бы еще талер потребовал! – ответил ему Клаус. – Вот два крейцера, бери, или мы в «Черепяху» пойдем.

– Давайте, – покорно согласился Лутц. Он и так не оставался внакладе.

– Лихо ты его одернул! – сказал Ригард, когда они отошли за угол, где стояли Эдгар и Дирк.

– Ну и чего он дал, есть хоть можно? – спросил Эдгар.

Ригард сунулся в мешок, потом посмотрел на приятелей и кивнул:

– Огурцы воняют, а так ничего, мясо вроде какое-то и кувшин большой.

– Пошли на затон, – предложил Клаус.

– Зачем на затон, там постоянно кто-то шляется, – возразил Дирк. – Давай в Королевскую рощу. Немного подальше, зато все условия и тишина.

С ним все согласились, и предложение было принято.

7

В сопровождении полусотни телохранителей и десятка загонщиков его сиятельство граф Виндорф, лорд Ортзейский и земли Гануской, въехал через поднятые ворота во двор замка Виндорф. Кинувшийся навстречу конюшенный подхватил повод, а его помощник придержал лорду стремя, пока тот спешивался.

Его сиятельство вернулся с первой, после окончания войны, охоты, и, хотя время было неподходящее и загнать ничего не удалось, выездом он остался доволен.

Вот только полусотня охраны мешала ему полностью отдаться любимому занятию, но что поделаешь – войны не прекращаются мгновенно, в лесах могли скрываться отряды наемников лорда Брейгеля, от которого графу Виндорфу удалось откупиться.

Услугами наемников лорды пользовались крайне неохотно, поскольку их верность временным хозяевам была сомнительна, а по окончании войны они частенько продолжали войну собственную и не спешили уходить с чужих территорий, грабя и разоряя деревни.

Появились такие проблемы и у графа Виндорфа, который нанимал к своему десяти тысячному войску полторы тысячи легкой кавалерии полковника Лефлера.

К установленному жалованью граф обещал Лефлеру всю добычу замка Брейгель, но, когда дела пошли скверно, стало не до дележки чужого замка. Поняв, что войско лорда Брейгеля лучше подготовлено и более многочисленно, граф Виндорф предложил противнику заключить мир за выкуп, чем вызвал недовольство своих наемников.

Выданное жалованье они давно истратили и надеялись только на трофеи, но тут лорды вдруг замирились, так что наемным солдатам ничего не оставалось, как искать пропитание в другом месте.

Теперь бывшие наемники графа Виндорфа стояли тремя лагерями вдоль реки Усы, якобы для того, чтобы починить амуницию, однако граф им не верил и на всякий случай напротив каждого лагеря держал по тысяче кавалеристов.

Поднявшись в покои, граф сбросил перчатки и с помощью слуги снял охотничий костюм. Затем оделся в домашнее платье и прошел в кабинет, где его ждали личный секретарь и командовавший гарнизоном замка капитан-полковник.

На красном ковре возле холодного камина разлеглась собака, секретарь и капитан-полковник Форнлет стояли у рабочего стола, а на стене все еще висела карта земель, на которой граф планировал военные действия.

Уже за две недели он намеревался справиться с несносным соседом, но не тут-то было – тот оказался крепче. В результате Виндорф лишился тридцати пяти тысяч золотых талеров, теперь предстояло приложить немало усилий, чтобы за два-три года вернуть эти затраты.

Но как вернуть? Брать с крестьян больше нельзя, ободранный до липки мужик платит куда хуже, чем сытый.

Оставалось развитие ремесел и торговли, но ткачи, кузнецы, краснодеревщики и каменщики в городе и пригородах уже всю работу. Граф намеренно не давил их налогами, чтобы в его земли стекалось как можно больше ремесленного народа.

Можно было, правда, развить шире торговое дело, тут у лорда Ортзейского и земли Гануской имелся резерв. Через его земли проходила неширокая, но глубокая река Варбица. Она была судоходна, а два года назад, в зимнее половодье, смыла песчаную отмель, которая отделяла ее от Большого канала на юго-западе, а канал этот тянулся на триста миль почти до самой королевской столицы – Буржона.

Это событие разом изменило положение земель графа Виндорфа, поскольку теперь его прежде бесполезное владение маленькой гористой землей Гануской обращалось явной выго-

дой, ведь по ней, как по дороге, к нему могли двигаться богатые караваны из Габинчи, свободной территории, находившейся в долинах горного края.

В Габинчи властвовали маги-рудознатцы, воевать с которыми теперь не решались ни лорды, ни даже сам король. После нескольких странных войн, которые закончились ни победой и ни поражением, владыки Буржона решили жить с Габинчи как соседи и выгодно торговать. Те поставляли тончайшие яркие ткани, которые, по слухам, им ткали хитрые машины, приводимые в движение силой воды, а также оружие удивительной прочности.

За габинчийские клинки платили полновесными талерами, а их стеклянная посуда поставлялась в замки богатых лордов и самого короля.

Прежде, до смыва песчаной отмели, габинчийцы редко появлялись на Варбице, предпочитая путешествовать посуху через границы трех лордов, однако немалые пошлины, которые те брали за проезд, значительно повышали стоимость товара и сильно уменьшали прибыль. Теперь же, миновав горные перевалы, габинчийцы могли двигаться по территории всего одного лорда – графа Виндорфа, затем грузиться на суда, которые он был готов сдавать им в аренду, и плыть по реке и Большому каналу до самого Буржона.

Одним словом, перед Виндорфом открывались хорошие перспективы, самый первый, пробный караван к городу Денверу, для налаживания связей с городским самоуправлением, габинчийские купцы уже отправили. По сообщениям графских солдат, что сопровождали купцов, караван должен был прибыть в город уже сегодня – вскоре после обеда.

– Где они остановились, капитан-полковник? – спросил граф, садясь в кресло и кладя ноги на обшитую синим бархатом скамеечку.

– В двенадцати милях, ваша светлость, недалеко от деревни Пексакола.

– Пексакола... – повторил граф. – Сколько возле них наших людей?

– Двенадцать человек, ваша светлость. Остальные здесь.

– Я знаю, видел, в каком они состоянии. Возьмите мою роту охраны и скачите в эту Пексаколу. Я не могу позволить, чтобы с ними что-то случилось. Пока волки этого Лефлера остаются на нашей земле, мы возле каждого приличного человека должны поставить по солдату. Понятно?

– Так точно, ваше сиятельство, понятно. Но согласно договору мы караулим ихних лошадей, и больше пяти лошадок за раз они брать не имеют права. Только если совсем съехать соберутся.

– Все равно, капитан-полковник, не верю я им, так что отправляйтесь прямо сейчас. Если торговое посольство обидят, мне потом очень трудно будет заставить габинчийцев ехать по моим землям.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! Разрешите отправляться немедленно?

– Отправляйтесь, капитан-полковник.

Форнлет коротко кивнул и, развернувшись, вышел из кабинета. Было слышно, как в коридоре звенят его шпоры.

– Ну а что у тебя, Картоз? – спросил граф секретаря.

– Королевские удержания, ваша светлость. Мы должны заплатить две с половиной тысячи золотых талеров...

– А сколько в казне?

– Семь тысяч двести тридцать четыре золотых талера и три тысячи двести тридцать девять серебряных, – отрапортовал секретарь, вскидывая голову, отчего вздрагивали его длинные локоны.

Картоз был гантаринцем, а в тех краях было принято носить такие прически.

«И зачем это? Ему же каждый день мыться нужно...» – подумал граф и вздохнул.

– Когда выдается жалованье солдатам?

– Через неделю, ваша светлость.

- Сколько мы должны отдать?
- Девятьсот двадцать талеров золотом.
- А на сколько лорд Брейгель у нас имущества пожег?
- Четыре деревни, восемнадцать хуторов, а еще порушил четыре мельницы и угнал стадо гроверских коров. Приблизительно на пять тысяч четыреста золотых талеров.
- М-да, невеселая арифметика получается, Картоз. Что ты об этом думаешь?
- Думаю, ваше сиятельство, что деньги вам еще пригодятся, может, следует избавиться от ценных вещей, которые вам без надобности...
- Семейное не продам! – сразу предупредил граф, но без особой уверенности.
- Я не о семейном, ваше сиятельство. Помните, пять лет назад герцог Мажино был у вас проездом и заинтересовался пятью золотыми кирасами?
- Герцог Мажино, конечно, имеет при дворе известное влияние, но он выпивоха и потаскун. Все его имущество по три раза у ростовщиков заложено. Не купит он эти кирасы.
- На сухом лице Картоза появилась самодовольная улыбка. Он был осведомлен гораздо лучше своего хозяина.
- Пока вы воевали, ваше сиятельство, герцог Мажино выдал свою дочь за венецианского ростовщика Бартелли, а сам устроил свадьбу с дочерью банкира Анхима Лифшица. Так что теперь он ничего никому не должен, а также располагает немалыми средствами – купил в Буржоне два больших дома и обновил лошадей.
- Ты думаешь, он вернется к этой своей затее с галереей искусств?
- Ну, раз лошадей поменял, то и до искусств рукой подать. По-другому, ваше сиятельство, и быть не может. Продайте ему эти золоченые доспехи и на вырученное расплатитесь с королевской казной, а солдатам заплатите из собственной.
- М-да, ты прав. Но давай прервемся хотя бы до вечера, а то меня от этих финансовых дел уже подташнивать начинает.
- Слушаюсь, ваше сиятельство, – ответил Картоз, кланяясь, и попятился к двери.
- Скажи там слугам, чтобы принесли дров в камин, а то тут сыро...
- Обязательно скажу, ваше сиятельство, только у меня еще один вопрос...
- Ну?
- Графиня Регина, ваше сиятельство, прислала письмо в ответ на ваше послание о прекращении войны. Я прочитал его, как вы мне и приказывали...
- Ну и что она пишет? – без энтузиазма поинтересовался граф.
- Она интересуется, когда ей с детьми можно будет вернуться.
- Зачем она спешит? Ну зачем она спешит? – Граф с досадой хлопнул себя по коленям и выпрямился в кресле. – В Гранбилле сейчас тепло, и морской воздух полезен детям, а здесь... Здесь возможны еще какие-нибудь вылазки. Я прав?
- Совершенно правы, ваше сиятельство, – с поклоном подтвердил секретарь.
- Вот так и отпиши, пусть побудет у папеньки еще пару недель, пока ситуация успокоится. Старый граф наверняка рад пообщаться с внуками.
- Ее сиятельство пишет, что они, напротив, часто с ним ссорятся.
- Ну... – граф сделал нетерпеливый жест. – Напиши что-нибудь убедительное, ты же смысленный, Картоз! Фу, меня опять тошнит...

8

Когда полковник Лефлер с двумя сопровождавшими его наемниками вошел в «Пьяную елку», стол, который заняла передовая группа, уже ломился от закусок и выпивки. Хозяин, с подбитым глазом, носился с развевающимся на руке полотенцем, принося закуски и утаскивая пустую посуду.

– Его благородию ур-ра! – закричал сержант Короб, вскакивая со стула при виде командира. Его примеру последовали остальные. С криками «ура» они освободили Лефлеру место во главе стола.

Тот сел, бросил на ближайший стол шляпу, затем отломил крылышко курицы и с минуту молча жевал его, погруженный в собственные мысли.

– Может быть, вина, ваше благородие? – предложил сержант и, не дожидаясь ответа, крикнул: – Вина его благородию!

– Нет! – ответил полковник и вытер губы краешком скатерти. – Больше никакой выпивки, ни мне, ни вам.

– А что случилось?

Сержант Короб и его товарищи склонились перед полковником, боясь пропустить хоть слово.

– Сегодня купцы поедут в город...

– Так вроде завтра собирались, – напомнил сержант.

– Вроде. Но теперь поедут сегодня.

– А как же... – Сержант беспомощно огляделся, потрясая рукой с растопыренными пальцами. – Как же мы без лошадей, ведь с ворами-то не договорились?

– Тихо, – обрезал полковник и, схватив сержанта за трясущуюся руку, оглянулся на дверь кухни. – Не нужно шума. Я сам договорился, и не с ворами, а с коннозаводчиками. Нам дали трех лошадей, и дадут еще двадцать семь, в залог я оставлю свое золото. Так что придется потом и золотишко вернуть, и лошадей себе оставить. Нам и нестроевые сгодятся. Понимаешь меня, Короб?

– Как не понять, ваше благородие? Небось ученый.

– Тогда быстро доканчивайте жратву, а выпивку забирайте с собой – и вперед, к дороге. Феттель и Глаубиц уже в засаде сидят.

Все разом накинулись на закуску, разрывая кур, рассекая кинжалами круги сыра и караваи хлеба, а полковник поднялся и, надев шляпу, пошел к кухне.

Его беспокоило, не подслушал ли чего хозяин харчевни.

– Привет, – сказал Лефлер, появляясь перед стряпухой, которая вытягивала из печи поднос с кусками жареной баранины.

– Уже, ваше превосходительство! Уже несем! – закричала она испуганно, с грохотом ставя поднос на плиту. – Не извольте беспокоиться!

– А хозяин где?

– Во дворе хозяин, за дровами вышел и курочек принести. Курочки у нас закончились, а вашей милости...

– Ладно, не нужно ничего, мы уходим, – сказал полковник, сдвигая кинжал на сторону. Выходит, кабатчик ничего не слышал, так что пусть живет.

Через минуту семеро всадников унеслись по улице, распугивая прохожих и поднимая пыль.

9

Дирк оказался прав: в Королевской роще оказалось куда лучше, чем в третьесортной городской таверне. Вокруг пели птицы, на опушках цвели травы, а над ними вились пчелы и порхали бабочки. Даже то, что приятелям пришлось отмахать полторы мили, не смогло испортить праздничность окружающей обстановки.

– Вот здесь, под кусточком, мы и расположимся, – предложил Клаус, и компания стала устраиваться, пригибая траву и разгоняя муравьев.

– Ох! А мне-то на земле сидеть трудно будет! – пожаловался Ригард.

– Корягу возьми, вон там валяется, – посоветовал Эдгар, доставая из мешка подарки трактирщика.

– А что это там? – удивленно спросил Дирк, поворачиваясь в ту сторону, откуда донеслись топот и звон упряжи.

– Дорога рядом, – пояснил Клаус, вынимая початок из кувшинного горлышка.

Он понюхал содержимое и кивнул:

– Неплохо пахнет, вот только чашек у нас нет...

– Из кувшина похлебаем, не маленькие, – сказал Дирк и стал разрывать хлеб руками.

– Стой! Стой, тебе говорят! – одернул его Эдгар. – Чего свинячишь, когда у меня ножик имеется?

– Ну, – Дирк пожал плечами. – Я же не знал. Режь ножиком.

Клаус сорвал несколько лопухов и разложил их вместо тарелок, а Эдгар начал резать хлеб и соленые огурцы, раскладывая их на лопухи и добавляя к ним жареное мясо.

– Ишь ты, не пожадничал трактирщик, – заметил Дирк.

Из леса вышел Ригард, волоча упавшее дерево. Дирк рассмеялся.

– Я на другое бревно показывал, Румяный!

– Неважно, мне и это сойдет, – ответил тот, бросая на траву свою «скамейку», с которой посыпались труха и прятавшиеся под корой жуки.

Хоть и с трудом, Ригарду удалось все же усесться на бревно так, чтобы не беспокоить распухшую после недавнего укуса ягодицу.

– А ты-то как, Клаус? – поинтересовался Эдгар, тщательно вытирая о лопух свой нож.

– Левая рука едва двигается, и шея немного распухла, но ходить это не мешает.

– Дорого достались вам эти крейцеры, – заметил Дирк, подцепляя кусок огурца.

– Куда? Куда понес? – одернул его Эдгар. – Не жри перед выпивкой, а то хмель не пройдет!

Он подал кувшин Ригарду, как самому пострадавшему.

– Начнем с тебя, Румяный. Приступай.

Ригард принял кувшин и, собравшись с духом, сделал три больших глотка, а затем передал кувшин Клаусу.

– Ну как червивка? – спросил его Эдгар.

– Ничего, сладкая даже, – сказал тот и потянулся за хлебом.

– Эй, слышите? Опять стук да топот! – заметил Дирк. – Эдак они нам покоя не дадут!

Клаус сделал свои три глотка и передал ему кувшин.

– Выпей лучше. Червивка забористая, горлом чувствую. Через два круга тебе будет все равно, кто там по дороге ездит.

– Да я разве против? Пусть ездят, – сказал Дирк. – Ну, Эдгар, выпью, чтобы Хелена со мной на сеновал пошла...

– Как же, разбежалась она! – зло возразил ему товарищ.

– А что за Хелена, батраки? – спросил уже опьяневший Ригард.

– Сейчас выпью и расскажу, – пообещал Дирк и запрокинул кувшин.

– Соседка нашего хозяина, – сказал Эдгар и сломал попавшуюся под руки толстую палку. – Дочь Айнера-Свистуна. Только Дирка она знать не знает, это я с ней знаком близко...

– Как... же... близко! – возмутился Дирк, передавая Эдгару кувшин. – Выпей лучше и не мели, как старый жернов!

– Так что это за Хелена, дочь Айнера? Ну-ка расскажите! – потребовал Ригард. Он был непривычным к выпивке, и его быстро развезло.

Неожиданно из леса выскочил всадник на пегой лошади. Не замечая компании, он промчался мимо и исчез в лесу на другой стороне опушки.

– Вот так праздник, туда его... – пробурчал Клаус, пережевывая мясо.

– Как будто из этих, из солдат, – сказал Дирк и, получив назад кувшин, отпил и передал Клаусу.

Тот тоже сделал три глотка и, передавая кувшин Ригарду, крикнул:

– Держи крепче, пьянчуга!

Все засмеялись, но тут же замолчали, прислушиваясь к постукиванию железных ободьев. По невидимой дороге за кустами двигался обоз.

10

Полковник Лефлер был зол, вспоминая унижения, которым подвергся, добывая лошадей. Он выдержал игру в переглядки с коннозаводчиком, который сверлил наемника взглядом, желая проникнуть в его замыслы, однако Лефлеру удалось-таки внушить ему, что он надежный плательщик, тем более что за тридцать нестроевых лошадок он отдал в залог пятьдесят золотых талеров и свой трехкаменный перстень, который был его талисманом на удачу в бою.

Снимать его Лефлер не хотел, но коннозаводчик сказал «дай», и пришлось расстаться с ним, пусть и ненадолго.

Что ж, за такое унижение полковник был готов расплатиться сполна.

– Кто поехал вперед? – спросил он Густава, рослого наемника, плохого стрелка, но хорошего фехтовальщика и игрока в кости.

– Арно и Куклицкий, ваше благородие. Эти не подведут.

– Да, – кивнул полковник. Лошадь под ним заволновалась, но он быстро успокоил ее, ударив стеком. Насколько все было бы проще, имей они возможность взять собственных лошадей, однако хитрый лорд спеленал их лошадей охраной, понимая, что пешими наемники много не нагрябят.

А грабить следовало быстро, ведь терпение лорда быстро истощалось. Еще несколько дней – и жди предупреждения, а потом и войны. Да, солдаты лорда еще не оправились после недавней кампании, но наемники Лефлера выглядели еще хуже.

Подъехал сержант Короб. Его ремень был связан веревкой, сапоги требовали ремонта, а застежка на шлеме отвалилась. И в таком состоянии находилось все войско полковника.

Ему, конечно, надо было сдерживать своих людей, чтобы сэкономили полученное жалованье, но тогда все надеялись на победу и богатые трофеи из замка лорда Брейгеля, ведь поначалу дела шли хорошо и малые победы сплетались в удачную военную кампанию.

– Ваше благородие, двадцать всадников построены там, за акацией, – сказал сержант, махнув рукой в сторону зарослей. – Выйдем сразу в голову и в хвост, охраны с ними всего двенадцать человек, перебьем из арбалетов, не затевая сечи...

– Главное – не оставлять свидетелей.

– Все сделаем как надо, ваше благородие. Не в первый раз.

– А потом сразу на дорогу, ваше благородие? – поспешил со своим вопросом Густав.

Полковник сделал вид, что не расслышал, но за него ответил сержант Короб:

– На какую дорогу, дурак? Лорд сразу поймет, что это наших ножей дело. Пересидим несколько дней, а потом двинем, по-бедняцки, на воде с сухарями, чтобы соглядатаи лордовы ничего не пронюхали.

Полковник улыбнулся, сержант Короб все разъяснил верно.

– Пахотные лошадки-то, – спустя какое-то время сказал Густав, поглаживая гриву низкорослой кобылы. – Такие по полдня плуг таскать могут и не устанут.

– Ты-то откуда знаешь? – усмехнулся сержант, недовольный посторонними разговорами перед важным делом. – Ты же с нами лет семь уже таскаешься?

– Я с девяти лет за плугом ходил, отцу помогал, – со вздохом произнес Густав. – А как в шестнадцать лет из дому сбежал, так и прибился, поначалу к ворами дорожным, а потом уже к вам.

Сержант покачал головой. Такие разговоры ему не нравились.

Послышался топот лошадей, среди них Лефлер сразу узнал легкую поступь строевых аргинцев – у пятерых из отряда были свои лошади.

Вскоре показался Арно, потное лицо его раскраснелось, но довольная улыбка говорила о том, что он принес хорошие вести.

– Идут, ваше благородие! Двадцать возов, двенадцать человек легкой кавалерии в охране. Возчиков четверо – возы цугом тащат. Купцов тоже четверо – одежды богатые, да и возы прямо пучатся от товара! Если весь товар взять да пока в яму бросить...

– Никакого добра не брать! – оборвал его полковник, и перепуганная лошадка под ним снова затанцевала. – Если с тряпками свяжемся, пропадем, кирасиры Виндорфа нас в капусту изрубят! Брать только золото, товар даже не вспарывать! Налетели, взяли золото и исчезли. Все поняли?

– Поняли, – кивнул Арно. Теперь он выглядел серьезным.

– Короб, иди в строй и скажи, чтобы никакой самодеятельности.

– Слушаюсь, ваше благородие! – ответил сержант и, развернув лошадь, отправился в заросли акации, где ждали в засаде двадцать наемников-кавалеристов.

Вскоре появился и второй разведчик – Куклицкий.

– Где они? – спросил полковник.

– Совсем рядом, ваше благородие! За поворотом!

– Не ори... Всё, заряжаем арбалеты.

Какое-то время был слышен только звон упряжи да лязг арбалетных замков. Налетевший ветер раскачал верхушки деревьев, затем снова стало тихо, и в этой тишине послышался стук железных ободьев на неровной дороге.

Прошло еще несколько минут томительного ожидания, пока полковник не дал отмашку. Наемники выскочили из засады и стали в упор расстреливать охранников, а те, не ожидая нападения всего в нескольких милях от города, падали с лошадей, даже не успев достать оружие.

Когда с охраной было покончено, наемники стали носиться вдоль обоза, избивая возчиков и купцов и требуя, чтобы те немедленно отдали казну.

В конце концов один избитый в кровь купец не выдержал и отдал тугой кошель с парой сотен тяжелых полновесных монет.

Тотчас после этого участь пленников была решена, и они попадали на пыльную дорогу, истекая кровью.

– Уходим! – скомандовал Лефлер, и весь отряд понесся к узкой просеке, чтобы исчезнуть до появления солдат лорда или случайных свидетелей.

Уже сворачивая на просеку, Лефлер напоследок оглянулся и увидел какого-то мальчишку, выглядывавшего из кустов по ту сторону дороги. Полковник выругался, вскинул арбалет и выстрелил, но проверять – попал или нет – было некогда, и он помчался за остальными.

11

Арбалетный болт прошел листву и с треском вошел в тонкое деревце, расщепив его надвое.

– Ух ты! – воскликнул Эдгар и от неожиданности сел на землю.

– Бежать надо! – воскликнул Ригард, которого разом покинул весь хмель. Он упал в траву, опасаясь, что в них снова будут стрелять, однако наемники были уже далеко, и Клаус смело вышел на дорогу.

– Эй, ты куда? – спросил его Дирк.

– Давай посмотрим, чего осталось...

– А чего там смотреть – люди там убитые. Давай двигать отсюда, а то понаедут солдаты лорда, тогда доказывай, что не виноват!

– И то верно, уходить надо, – поддержал напарника Эдгар, поглядывая на увязший в дереве болт.

Ригард же, напротив, неожиданно осмелел, поднялся из травы и, отряхнув с колен цветочную пыльцу, вышел следом за Клаусом, когда тот уже крался к разоренному обозу.

Пересиливая страх, он нагнал товарища, и тогда они пошли быстрее – вдвоем было не так страшно.

Картина разорения выглядела ужасно. Осиротевшие лошади кавалеристов стояли возле убитых хозяев, нагибая шеи и позвякивая удилами. Извозные же лошади лишь подергивали ушами и отмахивались хвостами от надоедливых мух. Казалось, им было все равно, кто погонит их дальше.

– Вон там купец лежит... – свистящим шепотом произнес Клаус, указывая на тело в богатых одеждах, из-под которых к тележному колесу натекала кровь.

– А чего брать-то будем? – деловито спросил Ригард, поеживаясь от вида мертвых тел.

– Уж конечно, не тряпки, с ними мороки много, да и попасться можно. Золото будем брать! Золото и серебряные деньги!

Трясущимися руками они перевернули тело купца и стали его обыскивать, но ничего не нашли.

– До нас успели... – обронил Клаус. Они перебежали к следующему купцу, и тут их ждала удача. У этой жертвы, помимо срезанного грабителями, был и другой кошелек, который те не заметили.

Клаус торопливо сорвал его, и они с Ригардом бросились в кусты, поскольку со стороны города послышался топот скачущих лошадей.

Едва Клаус с Ригардом выскочили на опушку, к месту побоища прибыл большой отряд кавалеристов графа Виндорфа. Для четверки приятелей это послужило сигналом к бегству, и они понеслись через лес – к реке, чтобы не попасться под руку разгоряченным солдатам.

Пока с дороги доносились негодующие крики, это прибавляло беглецам сил, но, пробежав в таком темпе с милю и вконец обессилев, они попадали в траву у берега реки.

Минут пять никто не мог говорить, все лишь хрипло дышали и откашливались.

– Больше... я ни на какие гулянки с вами... ходить не буду... – сказал Эдгар и сплюнул.

– Да уж... – согласился с ним Дирк и вытер рукавом покрасневшее лицо. – Надо было сразу домой идти... как из «Елки» погнажи... Во, смотрите чего! Мне ее маманя второго дня с базара принесла!

И он продемонстрировал дыру на рукаве новой рубахи.

– Не нойте, батраки! – с долей превосходства произнес Клаус и стал развязывать добытый кошелек, в котором позвякивали монетки и чувствовалась приятная тяжесть золота.

Когда шнурок был развязан, на ладонь Клауса скользнули двенадцать золотых незнакомой чеканки.

– Ух ты! – воскликнул Ригард, пододвигаясь ближе. – Маленькие какие! Наверно, по полталера!

– Откуда ты знаешь? Ты что, золотой талер видел? – усмехнулся Клаус.

– Нет. Но видно же, что они небольшие.

– Ну и пусть небольшие, пусть по полталера. Значит, на каждого по полтора золотых талера приходится... Держи, Дирк, вот тебе на новую рубаху, еще и на лошадь останется.

– Нет-нет, не надо! – замахал руками Дирк. – Я это не возьму.

– Почему? – удивился Клаус.

– Потому, что деньги эти ворованы у убитого человека.

– Дурак, что ли? Мы, что ли, этот обоз пограбили? Мы лишь подобрали то, что осталось, а это золото все равно бы пропало!

– Тогда – на троих, – подсказал Ригард.

– Значит, на троих, – согласился Клаус и, добавив еще одну монетку, протянул их Эдгару: – Бери.

Но тот яростно замотал головой и спрятал руки за спину, как будто ему предлагали выпить яду.

– Ах так?! – разозлился до слез Клаус. – Ну, тогда мы с Румяным все делим на двоих! Ты как, не откажешься?

– Нет, я не откажусь, – сказал Ригард и, получив свои шесть монеток, стал с интересом их разглядывать. – Чеканка-то не королевская, – заметил он.

– Значит, лорда нашего, – буркнул Клаус, ссыпая свое золото в карман. Затем размахнулся и зашвырнул пустой кошелек в воду.

– А вот и не лорда. По-нашему написано... «чин-та-ро»... Так, кажется. А остальное какими-то крючками...

– Чинтаро – это столица Габинчи, – сказал Дирк.

– Ты-то откуда знаешь? – удивился Клаус.

– Тесть нашего хозяина, еще когда мальчишкой был, несколько лет у тамошнего пекаря прислуживал, а когда подрос до тринадцати лет, его и вытурили.

– Проворовался? – уточнил Ригард, продолжая перебирать монеты.

– Нет, у них там так положено – взрослых чужаков не держать.

– А как же он туда попал?

– Об этом мне неизвестно.

Они еще помолчали, все четверо испытывая неловкость. Наконец Клаус поднялся:

– Ну ладно, давайте расходиться, а то мне еще дома воду и дрова таскать.

И они разошлись, не подозревая, что их ожидает.

12

Получив известие о нападении на обоз, граф Виндорф лично примчался к месту трагедии и, соскочив с коня, в сопровождении капитана-полковника Форнлета стал осматривать брошенные возы и тела погибших, оставленные до приезда графа в том же положении, в каком их бросили грабители.

Граф шел от воза к возу, от тела к телу, и его лицо становилось все мрачнее. Еще недавно, во время войны с соседом, он видел много убитых и раненых, но то была война, а на этот караван он возлагал большие надежды.

– Значит, так, тела увезти и схоронить, а товары свезти в замок.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – козырнул капитан-полковник.

– Лефлера проверили?

– Все его лошади на месте, ваше сиятельство, кроме тех пяти, что им выдавать положено.

– Но здесь-то было куда больше пяти, правильно?

– Так точно, ваше сиятельство. Выходит, это не они.

Граф нагнулся и выдернул из тела убитого кавалериста арбалетный болт.

Болт был плохой, с заточенным, а не закаленным жалом. Пробив легкий панцирь, он заметно согнулся.

– Не наша работа и не соседская, – заметил капитан-полковник.

– А чья?

– Такую дрянь, ваше сиятельство, любой деревенский кузнец за малую цену сделает.

Граф вздохнул и бросил болт на дорогу.

– Обочины, кусты, лес проверили?

– Проверяем, ваше сиятельство, а еще...

Договорить капитан не успел: на дорогу выскочил сержант и, подбежав к графу, вскинул руку для приветствия.

– Докладывай командиру! – сухо сказал тот.

Сержант повернулся к капитан-полковнику:

– Ваше благородие, найдено место пьянства злоумышленников! А также беспокойство травы и ветки поломаны!

– А чем беспокойство? – спросил граф.

– Лошадьми, ваше сиятельство!

– Пойдем посмотрим, – сказал граф, но прежде им пришлось посторониться, пропуская по обочине полдюжины крестьянских телег с грузом дров и воловьих кож, увязанных в высокие стопки.

Погонявшие лошадок мужики в ужасе пучили глаза на переносивших тела солдат и оставшиеся на дороге кровавые потеки. Перепуганные, они не заметили графа и, едва миновав страшное место, принялись нахлестывать лошадей, чтобы скорее уехать подальше.

«К вечеру об этом узнает весь город», – подумал Виндорф и вздохнул.

Следуя за сержантом, они с капитан-полковником пришли на то место, где прятались разбойники, перед тем как напасть на обоз. Повсюду была примята трава, попадались лошадиный навоз и сломанные ветки акации. А еще, в сотне шагов от дороги, на опушке леса, обнаружили следы чьей-то трапезы с вином.

Пустой кувшин, объедки, мешок из лыка.

Граф покачал головой. Вряд ли тут ели и пили разбойники, скорее это были посторонние люди.

– Едем в замок, – сказал он и быстро пошел к дороге.

Мысли у него в голове путались, хотелось посоветоваться со своим секретарем.

13

Предвидя, в каком настроении вернется его господин, Картоз ожидал его, прохаживаясь вдоль закрытых ворот и поглядывая на гвардейца, стоявшего на сторожевой башне. По его реакции можно было понять, едет ли кто по дороге к замку.

Время обеда было еще далеко, но Картоз чувствовал голод. Он уже подумывал о том, чтобы сходить на кухню и перекусить, как вдруг часовой на башне встрепнулся и закричал:

– Его сиятельство едут!

– А точно его сиятельство-то?! – переспросили снизу часовые у ворот.

– Точно!

Лишь после этого в воротной башне застрекотал подъемный механизм и удерживаемые цепями ворота стали ложиться мостом через глубокий крепостной ров.

Увидев скакавшего к воротам графа, секретарь направился к крыльцу, чтобы там, как и положено, встретить своего господина.

Вскоре вся кавалькада влетела во двор, Виндорф бросил поводья конюху и, соскочив на мостовую, стал быстро подниматься по ступеням.

– Иди за мной, – бросил он секретарю, и тот последовал за графом.

Они шли молча, преодолев таким образом два лестничных пролета. Войдя в кабинет, граф тяжело опустился в кресло, глядя перед собой и, казалось, не замечая Картоза.

Наконец, спустя минуту или две, его сиятельство очнулся от дум, снял перчатки, шляпу и бросил их на стол.

– Садись, – коротко сказал он. Секретарь опустился на краешек стула. – Случилось самое неприятное, чего я и опасался. Обоз остановили в Королевской роще, а охрану, торговое посольство и возниц перебили. Товар, правда, не тронули, но забрали всю казну.

– И много было злодеев?

– Не меньше двух десятков на лошадях. Форнлет уверяет, что лошадей никому не давали, и я ему верю, хотя, конечно, проверить нужно.

– А ходят они свободно, ваше сиятельство? Я имею в виду людей Лефлера.

– Да, в этом им никто не мешает. Думаешь, добыли лошадей в другом месте?

– В любом случае это тоже нужно проверить, ваше сиятельство. Ну и, конечно, строго приказать всем торговцам в городе и на дорогах, чтобы немедленно сообщили лордскому шерифу, если кто предьявит монеты габинчийской чеканки.

– Ты прав! – воскликнул граф и хлопнул ладонью по столу. – Ты прав, Картоз, они ведь не удержатся, чтобы не покутить – грабители по-другому не умеют! Немедленно напиши приказ, и пусть его сейчас же везут по всем дорогам и в город!

– И вы, ваше сиятельство, должны гарантировать обмен габинчийских денег на равно-весные ваши или королевские.

– Зачем это?

– Чтобы торговцы не прятали габинчийское золото, ваше сиятельство. Если они решат, что габинчийское золото шерифы у них отнимут, могут и не принести. Собыют молотком чеканку и продадут металл ювелирам.

– Это ты прав. Это ты очень прав, – согласился граф. – Впиши обещание в приказ, чтобы не боялись. Что еще?

– Нужно отправить в Габинчи собственное посольство, ваше сиятельство. С извинениями и описанием обстоятельств трагедии. С перечислением наших потерь, чтобы понимали, что мы тоже старались.

– Согласен. – Граф вздохнул. – Только не пустят они наше посольство к себе в долину.

– Скорее всего, не пустят. Но нам, ваше сиятельство, главное показать, что мы все понимаем и ждем понимания от них. Возместить их казну не составит труда, вряд ли они везли более сотни-другой золотых талеров. А если их намерения были серьезными, то они, ваше сиятельство, от них не откажутся. А что до грабежа, то их на дороге не в первый раз обижают, торговля – дело рискованное.

– Верно говоришь, Картоз. Вот только мало наших уверений, нужно как-то охрану, что ли, пообещать крепкую, чтобы сотни две кирасир, да с разведкой...

– Полагаю, ваша светлость, что, если удастся повесить хотя бы парочку злодеев и привести этот случай в письменном извинении, в наших обстоятельствах это будет самое наилучшее.

– Правильно, нужно кого-то повесить. А повесим мы тех, кто пустит в оборот габинчийские деньги. Прямо сейчас пиши приказ, я поставлю подпись, и отрядим пятерых курьеров на доклад для населения. Хотя, что там пятерых! Пошлем двадцать человек, чтобы уже сегодня все торговцы знали!

– Но докладывать торговцам нужно тайно, ваше сиятельство, чтобы дело раньше слухов развивалось.

– Непременно тайно, – согласился граф. – И это тоже впиши в мой приказ.

14

Остановившись напротив лавки купца Битнера, Клаус позвенел в кармане монетами и, ухмыльнувшись, двинулся дальше – в сторону центра города, где лавки были побогаче, а товар – подороже. Теперь он мог себе это позволить.

По случаю начала новой, богатой жизни Клаус с утра натаскал воды побольше и часть использовал, чтобы помыться. Сегодня он собирался основательно потратиться на одежду, и ему хотелось, чтобы от него пахло не потом, а только мятным щелоком.

Мимо проходили простые горожане: истопники, зеленщики, трубочисты и горничные, но Клаус чувствовал себя важнее их и даже выше ростом.

Вот лавка купца Циммермана, в ней есть большое стекло, через которое видно разложенные на полке товары. Такое стекло в городе пока в новинку, и многие останавливаются посмотреть. А чтобы не лапали, к стеклу приставлен приказчик с суковатой палкой.

Клаус останавливаться не стал и двинулся дальше, ловя запахи из двух расположенных на этой улице харчевен. В одной баранину варили, в другой жарили бараньи ребрышки. Прежде Клаус старался побыстрее миновать такие заведения, чтобы не было соблазна, а теперь он, напротив, пошел медленнее, потягивая носом и нагуливая аппетит.

После покупки обновок он собирался отобедать по высшему разряду.

Насладившись наконец своим тайным преимуществом перед простыми горожанами, Клаус вошел в лавку, которая ему понравилась и показалась достойной для покупки новой одежды.

– Здравствуйте, молодой человек, – приветствовал его седой торговец, оценив посетителя наметанным глазом. С виду тот выглядел небогатым, однако торговец был немолод и опытен. Человека с деньгами он определял сразу.

Взяв палку с медным крючком, хозяин сдвинул в сторону тяжелую занавеску, и перед Клаусом открылась другая часть помещения, с высокими зеркалами в старых бронзовых рамах и карусельными вешалками, на которых висели одежды из бархата и шелка, тонкой шерсти и вышитого альпазона. От мысли, что все это он может купить, у Клауса перехватило дыхание, однако он нашел в себе силы отказаться от такой роскоши.

– Нет, благодарю вас, я хочу купить то, в чем можно ходить по улице, а это... Это для королей.

Торговец улыбнулся и задвинул тяжелые шторы.

– Что ж, молодой человек, давайте подберем для вас не столь броские, но столь же достойные вещи.

И Клаус стал внимательно выбирать, выслушивая советы торговца, соглашаясь с ним или возражая. Он и не подозревал, что всего через две улицы в такой же лавке выбирал обновки его приятель Ригард, который тоже едва дотерпел до утра, чтобы разодеться, как купеческий сынок.

Наконец Клаус выбрал все, что хотел, пришла пора платить. С чувством гордости он вынул из кармана золотую монету и положил на прилавок перед торговцем.

– О, золото! – произнес тот и приветливо глянул на расплывшегося в улыбке Клауса. – Одну минутку, я соберу сдачу, что вам причитается, и сейчас же вернусь.

С этими словами торговец вышел в узкую дверь и, едва прикрыв ее, сразу переменялся в лице. Оказавшись в конторке, он подошел к окну и внимательнее рассмотрел монету редкой чеканки.

Сомнений не оставалось, это было габинчийское золото.

– Лигит! Ты должен немедленно бежать к городскому шерифу! – обратился торговец к молодому человеку, составлявшему расчетные бумаги.

- А что случилось, папаша?
- Это те самые монеты, понимаешь?!
- Да ну?

Лиггит поднялся и бросил перо, не заметив даже, что поставил на пергамент кляксу.

– И каков он из себя, этот вор? – Лиггит испуганно покосился на дверь конторки.

– Мальчишка совсем, чуть помоложе тебя! Вот что, Лиггит, отдашь полталер шерифу и сейчас же попроси составить на него вексель, а если он откажет... – торговец на мгновение замешкался. – Нет, сделаем так! Я сам побегу к шерифу, а ты пойдешь к мальчишке, отдашь ему сдачу – один талер серебром и пять крейцеров, а потом вызовешься проводить до дома – закроешь лавку и пойдешь.

- А если он откажется?
- Тогда проследишь за ним. Понял?
- Понял.
- Бери сдачу и иди, а я мигом, к шерифу и обратно.

Торговец надел бархатную шапочку, подвязал пояс и поспешил к черному ходу, а Лиггит достал из шкатулки деньги и, собравшись с духом, вышел в лавку.

– Добрый день, ваша милость, – произнес он, и его голос дрогнул. – Пока папаша отошел по делам, я принес вам сдачу, вот, пожалуйста...

Клаус взял монеты и ссыпал в карман. У него было отличное настроение, и он не замечал странностей в поведении молодого лавочника.

- Давайте я заверну заказ и доставлю его к вашему дому.
- Нет, – покачал головой Клаус. – Я хочу одеться прямо сейчас. У вас это можно?
- Конечно, ваша милость, как пожелаете. Тогда давайте я доставлю к вашему дому старую одежду.

– Нет, лучше завяжите ее в узелок, и я возьму ее с собой, – сказал Клаус. Он не желал, чтобы торговец узнал, на какой грязной окраине он живет. Сегодня сын прачки был богачом, и ему не хотелось портить этот праздник.

Переодевшись за перегородкой, Клаус сам связал старую одежду в узел и, попрощавшись с молодым лавочником, вышел на улицу.

Новые сапоги из коровьей кожи слегка поскрипывали, но почти не жали. Штаны из серой шерстяной ткани были жарковаты для такой погоды, зато выглядели очень дорого. Рубашка из беленого холста была с отложным воротом и даже на пуговицах, а у куртки, шитой из тонкого катаного сукна, имелась подкладка и кожаные хлястики на рукавах, чтобы стягивать на запястьях, когда холодно.

Поигрывая узелком, Клаус зашел в ближайшую харчевню, заказал жареного мяса с пивом и с затаенной радостью наблюдал за тем, как сновали перед богатым клиентом хозяин и его слуги.

Пообедав на пять крейцеров – примерно столько они с матерью зарабатывали за неделю, Клаус вышел на улицу и улыбнулся яркому солнцу, теплой погоде и почтительно расступавшимся перед ним простым людям.

Не зная, чем еще заняться, Клаус отправился на торговую площадь, а в паре десятков шагов позади него семенил вдоль стен Лиггит. Он сильно робел, ему казалось, что клиент вдруг обернется, узнает его и закричит на всю улицу. А то и ножик достанет, не зря же лордовы слуги про него указ зачитывали.

Это он только с виду обычный мальчишка, а на самом деле – соглядатай разбойников.

Перебегая от угла к углу, Лиггит опрокинул корзину с углем и дважды наступил в канаву, но в конце концов сумел успокоиться и начал преследовать разбойничьего приспешника более умело.

Вскоре он сообразил, что его подопечный держит путь на торговую площадь, а это сулило Лиггиту долгую беготню по городу, пока гуляка не отправится домой. Однако чего не сделаешь ради хороших отношений с шерифом? Возможно, тот доложит о лавочнике Венцеле самому лорду и им сделают большой заказ.

Тем временем, не подозревая о том, что за ним следят, Клаус вышел на шумное торжище и двинулся вдоль рядов, вызывая приступ энтузиазма у охрипших зазывал, ведь они видели в нем состоятельного покупателя.

Он прошелся до самой стены ратуши, где топтались в загоне несколько лошадей, у него даже мелькнула мысль, что неплохо было бы купить лошадь и бочку к ней, чтобы возить с реки воду. Однако содержать лошадь было негде, а на сарай и корм ушли бы остатки денег.

Нет, лошадь с бочкой покупать было рано.

Повернув на следующий ряд, Клаус двинулся в другую сторону, с заинтересованным видом ощупывая ткани, седла, нитки и пробуя орехи, соленые огурцы и маринованный чеснок.

Пройдя таким образом еще один ряд, Клаус уже собирался нырнуть в следующий, как вдруг возле лавочки торговца бусами увидел Ядвигу – одну, без сопровождавших ее подружек.

На ней было синее платье с кружевами и коричневые остроносые сапожки на каблуках. Полюбовавшись девушкой издалека, Клаус вдруг подумал, что теперь может подойти к ней, не боясь насмешек. Прежде она всегда смеялась над его бедностью, а теперь-то он в полном порядке.

Клаус посмотрел на рукава своей новой куртки, на сапоги и новые штаны. Даже преуспевающие приказчики из дорогих лавок одевались куда скромнее. Нет, он определенно имел право подойти к Ядвиге, и нечего тут бояться. Ну, почти нечего...

Подойти к ней напрямую и сразу заговорить Клаус не посмел бы, будь у него хоть целый сундук золота, однако ему подумалось, что можно будто бы случайно столкнуться с ней. А потом сказать: «Ой, Ядвига, а я тебя даже не узнал!» Как-то так.

Свернув в следующий ряд, Клаус пробежал мимо рулонов войлока, беленых тканей, горок моченых яблок и копченых колбас, выскочил напротив хомутов с ремнями, затем обошел через ряды сушеных трав и остановился, глядя на Ядвигу уже с другой стороны.

Но и здесь она казалась ему столь же неприступной.

В конце концов Клаус на дрожащих ногах двинулся в ее направлении, то останавливаясь, то снова делая несколько несмелых шагов. Ядвига же, не замечая ничего вокруг, примеряла одни бусы за другими, а продававший их торговец держал перед ней зеркальце и расхваливал свой товар, который, по его словам, мог сделать Ядвигу «королевой всех королевен».

Не дойдя несколько шагов, Клаус остановился, любуясь девушкой, а когда она поднимала брови и чуть наклоняла голову, он невольно повторял ее движения, и если улыбалась, он улыбался тоже.

Ядвига сняла бусы и, бросив их обратно в шкатулку, неожиданно повернулась в сторону Клауса, даже не удивившись его появлению.

– Что кругами ходишь, прачкин сын? – спросила она с усмешкой, но совсем не тем тоном, каким обычно бросала свои обидные оскорбления.

– Я... – Клаус чувствовал, что его бросает то в жар, то в холод. – Я просто зашел... Купить...

– Приделся, я вижу. Ограбил кого?

Ядвига оставила лоток с бусами, потеряв к ним интерес, и подошла к Клаусу.

– Я не украл, я... – Клаус чувствовал, что от волнения не может выразиться связно. – Ядвига, я жить без тебя не могу...

Сказав это, он едва не потерял сознание, ожидая услышать от Ядвиги бранные слова. Но она лишь пожала плечами и прошла мимо, а он пошел следом, точно приклеенный.

– Ты слышала, что я сказал?

– А мне какое дело, что ты там сказал?

– Ну... Давай поженимся!

– Поженимся?

Ядвига остановилась и, повернувшись, смерила Клауса презрительным взглядом.

– Ну да... – совсем растерявшись, буркнул он.

– Нищету плодить будем?

– Я... Я заработаю, я везучий, честное слово!

– Мне не везучий, мне богатый нужен, – проговорила девушка с какой-то обреченностью в голосе. И пошла дальше, но Клаус не отставал, задевая всех встречных узлом со старыми тряпками.

– А если я добуду золота, Ядвига? Если я добуду много золота?!

– Когда добудешь? – не поворачиваясь, спросила она.

– Через год! – выпалил он, готовый в этот момент пообещать даже луну.

Ядвига снова остановилась и, переложив корзинку на другую руку, поправила волосы, а потом в упор посмотрела на Клауса своими карими глазами. Так близко ее он никогда не видел.

– Я последнее лето догуливаю, Клаус. Осенью замуж выйду за купца из Рейделя. Он с моим отцом дело объединять будет. Так что оставь меня в покое – я разговариваю с тобой в первый и последний раз. А теперь уйди, видеть тебя больше не желаю.

Сказав это, Ядвига побежала прочь, Клаусу показалось, что она плачет.

Преследовать ее дальше он не стал, не чувствовал ни рук, ни ног и не видел ничего вокруг. Он стоял, словно столб, а мимо проходили люди, задевая его и ругаясь.

«Вот дурак-то какой, всем мешается...»

«Эй, господин хороший, кисти не купишь? Глухой, что ли?»

«Хоть бы подвинулся, мы же с поклажей!..»

Клаус не знал, сколько он простоял в таком состоянии, а очнувшись, побрел домой, совершенно забыв, что на нем новая одежда и несколько золотых в кармане.

15

Когда Лиггит наконец вернулся в лавку и вошел в конторку, там, кроме отца, его ожидал человек в потертой кирасе и в шлеме с гербом лорда Ортзейского.

– Ну что, выяснил, где злодей обитается? – спросил Венцель-старший. – Говори господину помощнику шерифа, он должен это узнать немедленно!

– Выяснил, – кивнул Лиггит. – Он вовсе не на улице живет, а возле поворота канавы, той, что до самой реки тянется. Он прачкин сын, и зовут его Клаус, так соседи сказали. А грязь там повсюду и вонь такая, что...

Венцель-старший сделал Лиггиту знак, чтобы тот замолчал, и в наступившей тишине помощник шерифа откашлялся и поднялся со скрипучего стула.

– Итак, властью, данной мне шерифом, а ему лордом, приказываю организовать здесь головное руководство.

Помощник шерифа указал пальцем на конторский стол, Венцель-старший кивнул, хотя не понял, что тот имел в виду.

– А теперь следует немедля послать к шерифу конного курьера.

– Почему конного? – поинтересовался Венцель-старший.

– Так прописано в руководстве службы шерифа. «Извещать посредством отсылания одного с секретным письмом...» А оный – это курьер.

– У нас нет курьера, ваша милость, – осторожно сообщил Венцель-старший.

– А что же у вас есть?

– Осел. Для мелких нужд. А когда на галере товару много приходит, так мы до порта ломового извозчика нанимаем.

– Та-а-ак, – протянул помощник шерифа и поправил сползавший на глаза шлем. – Тогда поступим следующим образом. Ты, младший, будешь оным, то есть курьером, а вместо лошади пусть будет осел.

– А куда мне ехать? – спросил Лиггит, чувствуя, что становится причастным к важному государственному делу.

– Скачи к шерифу – он ждет от нас вестей, а дальше по его усмотрению.

– Не мешкай, сынок! Отправляйся прямо сейчас! – сказал Венцель-старший, и Лиггит выбежал через черный ход в небольшой дворик, где между отхожим местом и стеной лавки находился маленький загон для осла.

Когда Лиггит ушел, Венцель-старший предложил помощнику шерифа пива.

– О, с удовольствием чего-нибудь выпью, а то эта беготня совсем доконала, – пожаловался помощник. Он снял шлем и, положив его на конторский стол, провел ладонью по вспотевшей лысине.

Торговец принес из кладовки пиво, сыр и сухую колбасу, затем убрал со стола бумаги и налил гостю большую кружку.

– Мечемся, мечемся, и так целых полдня, – сообщил помощник шерифа и начал пить пиво, делая большие глотки и жмурясь от удовольствия. Отпив половину, он поставил кружку и вытер усы.

– Это ведь второй раз с этими монетами-то. По первому разу шериф сам побежал, а как ты пришел, так уже и мне пришлось мчаться. Это, я тебе скажу, целая банда орудует.

– Душегубцы? – уточнил торговец, стоя рядом с помощником шерифа и не решаясь сесть.

– Не то слово! Охранников перебили, возниц и купцов – тоже. И на дороге побросали, как собак каких-нибудь.

– Неужели этот молодой человек тоже душегубец, ваша милость?

– Да кто ж его знает? Может, и душегубец, а может, и нет...

Помощник шерифа сделал еще пару глотков и, помолчав, добавил:

– Должно, в ночь засаду будем делать. Возможна опасная сеча.

Так, за беседой, они просидели часа полтора. Помощник шерифа выпил пиво в кувшине, и торговец принес ему еще, однако не успел гость приняться за следующую меру, как в двери черного хода лязгнул замок, а затем в лавку ввалились Лиггит, шериф и секретарь лорда – Картоз, немолодой человек в черной шляпе с полями и в черной накидке.

Помощник шерифа вскочил со стула и торопливо нахлобучил шлем.

– Где хозяин? – строго спросил шериф, от которого, как и от его помощника, уже сильно пахло пивом.

– Я здесь, – робко ответил Венцель-старший.

– Ага! Вот хозяин, господин секретарь! – громко произнес шериф и так хлопнул торговца по плечу, что тот ударился спиной о стену.

– Стало быть, именно вы владеете этим помещением? – уточнил секретарь, выходя из-за спины шерифа.

– Я, господин секретарь. Гилберт Венцель, торговец тряпошной продукцией и суконным товаром.

Хозяин лавки стоял навытяжку, хотя в солдатах никогда не служил. Он прожил в этом городе всю жизнь, смолоду занимался торговлей, но никогда в его лавку не приходил никто выше мэра города, а тут – секретарь самого лорда!

Был, правда, один заезжий хлыщ, который требовал товар в долг и говорил, что его знают при дворе короля Августа, но этого прохвоста прямо в лавке схватили стражники за то, что сбежал из гостиницы, не заплатив.

– А где вы живете, Венцель?

– У нас дом на Кузнечной улице. Это рядом – через дорогу.

– Понятно... – Гость замолчал и стал осматриваться. – У вас есть помещение побольше?

– Наверху, господин секретарь. Там у нас одна жилая комната и еще склад.

– Хорошо. Вам придется разместить здесь еще несколько человек, но только на одну ночь.

– Как прикажете, господин секретарь.

– У вас есть сторож?

– Да, господин секретарь.

– Скажите ему, чтобы сегодня не приходил, но прислугу позовите, хотя бы одного человека.

– Слушаюсь, господин секретарь.

Картоз повернулся к шерифу:

– Злоумышленники живут недалеко друг от друга, так что будет достаточно одного отряда стражи.

– Хорошо бы еще арбалетчиков, ваша милость, все же душегубцы, – напомнил шериф.

– Я передам вашу просьбу его сиятельству.

– А почему бы не взять их прямо сейчас, ваша милость? Все же днем как-то спокойнее.

– Да потому, что ближе к ночи они могут пойти к своим сообщникам и привести нас к самому логову всей шайки. Вы же понимаете, что не могли эти два подростка перебить двенадцать человек охраны.

– Так точно, ваша милость, не могли. Значит, будем следить.

– Кстати, Венцель, несите бумагу и чернила, я выпишу вам вексель на изъятое золото.

16

До самой темноты Гилберт Венцель и его сын занимались тем, что принимали посетителей – посыльных от лорда и городских стражников, которые передавали пакеты или устные сообщения и уходили. Затем вернулись шериф и его помощник, а потом пришли солдаты лорда Ортзейского.

Слуга Венцелей несколько раз бегал в харчевню за провизией и пивом, и всякий раз казалось, что теперь-то всего достаточно, однако поток гостей не ослабевал, а когда совсем стемнело, подъехал отряд кирасир, и в нем оказался сам лорд Ортзейский граф Виндорф со своим секретарем.

Такого гостя Венцель-старший и его сын никак не ждали, и, пока старый хозяин лавки раскланивался и суетился, не зная, в какой угол посадить столь высокого гостя, Лиггит со слугой снова побежали в харчевню, поскольку на этот раз угощений требовалось и побольше, и подороже.

Половина охраны поместилась во дворике, другие остались на улице, а в комнате наверху сидели помощник шерифа и десять стражников.

Они представляли собой смену тем, кто находился в засаде, наблюдая за жилищами юных злодеев.

Лиггит и слуга обернулись скоро, прибыв в сопровождении приказчика из харчевни, который доставил «гарнизону» лавки слабого пива, копченых кур и множество черствых хлебов, очень кстати завалявшихся в кладовке.

Солдаты были рады и такой закуске, а для лорда и его секретаря подали свежезажаренного поросенка, большое блюдо солений и самого лучшего вина, что нашлось у харчевника.

В небольшой конторской комнатке было тесно, стулья скрипели и пахло мышами, но граф Виндорф чувствовал себя весьма комфортно, поскольку это напоминало ему охотничий бивуак. Вдобавок в масляной лампе сильно трещал фитиль, и это заменяло его сиятельству костер.

Граф с аппетитом скушал пороссячью ногу, запил ее кисловатым вином и, повернувшись к стоявшему в углу владельцу лавки, спросил:

– Как тебя зовут, добрый хозяин?

– Гилберт Венцель, ваше сиятельство, – ответил тот, кланяясь.

– Запомни это имя, Картоз. Когда будем покупать сукно, включи его в поставщики, хотя бы второго ряда. Честных и верных мне людей следует всячески поощрять.

– Обязательно, ваша светлость, – ответил Картоз, а Венцель, бормоча благодарности, снова поклонился.

– Я вот о чем думаю, – продолжал граф. – Нам ведь нужно кого-то повесить, чтобы отписать в извинениях.

– Для начала будет достаточно молодых злодеев, ваше сиятельство. А если поймает остальных, так потом с добавочным письмом и отпишем.

– Правильно говоришь. Главное – показать им нашу обязательность и рвение.

В коридоре загремели кованые сапоги – новая смена отправилась выслеживать злодеев.

– А что, если они дома просидят и ночью никуда не выйдут? – спросил граф Виндорф, вытирая руки о льняное полотенце.

– Тогда мы их схватим и отдадим палачу, ваше сиятельство, чтобы они все рассказали и выдали сообщников.

– Правильно. Совершенно правильно. И вот что я думаю: нужно прямо сейчас выпить еще немного вина, доест поросенка и отправляться в засаду. Если они сразу за город не побегут, так и нечего утра ждать.

– Совершенно справедливо, ваше сиятельство. Совершенно правильно.

17

Клаус сунул в кладку последнее полено и, ударив кресалом по кремню, с первого раза запалил мох. Потом закрыл печку и прислушался к тому, как усилившаяся тяга раздувает пламя.

Позже, когда дрова разгорятся, надо прикрыть заслонку, чтобы кладка тлела всю ночь, кипятя в котле белье с щелоком. К утру дрова прогорят, котел немного остынет и белье можно будет полоскать, сушить и гладить.

Прислушиваясь к треску дров, Клаус вздохнул. Сегодня мать потребовала у него ответа – где взял деньги на обновки? То, что его радовало, ее очень напугало. Пришлось придумать историю про то, как они с Ригардом нашли золотой талер и поделили его.

Наверное, мать ему не поверила, но ничего не сказала.

Взяв с полки коптящую лампу, Клаус зевнул и пошел в комнату, но неожиданно за расшатанной дверью послышались шаркающие шаги, а затем кто-то постучал.

– Кто там? – негромко спросил Клаус, стараясь не разбудить мать.

– Мня... его... Открой, Клау... ус...

– Ты, что ли, Брицай? – спросил Клаус, узнав по голосу уличного пьяницу, который что ни день валялся в сточной канаве.

– Ну... открой... скажу скорее...

Днем, проходя мимо Брицай, Клаус подал ему крейцер, и, видимо, теперь тот пришел попросить добавки.

Клаус не хотел открывать, самым лучшим было послать этого пьянчугу через дверь и идти спать, однако он боялся, что Брицай поднимет шум и разбудит мать.

Пришлось открыть.

– Ну чего тебе? – спросил Клаус, освещая лампой перекошенное лицо Брицай, от которого разлило так, что от него прятались даже собаки.

– Тебе убить хотят... Эта...

– Убить? О чем ты?

Клаусу показалось, что пьянчуга бредит, и он оглянулся на дверь комнаты – если мать такое услышит, ее потом не успокоить.

– Беги... Убьют и повесят... Господские слу... слуги...

– Уходи отсюда, Брицай. Уходи. Тебе это приснилось – иди восвояси.

– Побере... гись... Они тут... они на... улице...

Клаус хотел выпроводить с крыльца Брицай, но не желал пачкать руки об его зловонные лохмотья. Впрочем, пьянчуга сам повернулся и, покачиваясь, пошел прочь, продолжая что-то бормотать.

Уже закрывая дверь, Клаус услышал:

– За золото габинч... чийское... На дыбу... На дыбу...

Он стоял и не верил собственным ушам – откуда Брицай мог знать про габинчийское золото?

Дунув на фитиль лампы, Клаус постоял у двери, привыкая к темноте. Потом поставил лампу в угол и, стараясь не шуметь, снова открыл дверь.

Было тихо. Где-то далеко, у дороги, лаяли собаки, журчала в канаве вода. По улице, не разбирая дороги, уходил по грязи Брицай. Время от времени он что-то бормотал, но разобрать что было трудно.

Клаус вышел на покосившееся крыльцо и потянул носом, улавливая знакомое зловоние: до сточной канавы было меньше десяти шагов. Дальше она сворачивала вправо и тянулась до самой реки, а вдоль нее была натоптана тропинка, по которой он каждый день таскал воду.

Сделав еще несколько шагов, Клаус оказался на подгнившем настиле, который здесь, на грязной окраине, был вместо мостовой.

Накануне вечером прошел дождь, который «подновил» грязь и сделал обочины улиц непролазными.

Где-то открылось окно и на улицу выплеснули ночной горшок. Волна зловония прокатилась вдоль стен и достигла Клауса.

«Даже до канавы дойти лентяя, свиньи», – подумал он, вспомнив рассказы заезжего торговца о городах на севере, в которых дерьмо уходило в реки не по канавам, а с помощью спрятанных в землю потаенных труб, и оттого на улицах поддерживался чистый воздух.

Представить такое Клаусу было трудно, к запаху зловонных улиц он привык с детства.

Вдруг в непроницаемых тучах появилось оконце, и свет неполной луны робко скользнул по латаным крышам с потрескавшейся черепицей. Клаусу показалось, что в темноте блеснуло железо, и он замер, словно каменное изваяние, стараясь уловить хотя бы слабый звук.

«Человек там, что ли?»

Это был шепот, который Клаус уловил будто во сне.

«Не шевелится... Нет, не человек...»

«А я тебе говорю – человек... Не было его там... Не было».

Клаус затаил дыхание, пытаясь угадать, откуда раздается шепот. Но никаких подсказок, кроме журчания нечистот в канаве и мяуканья кошки на соседней улице, слышно не было.

«Показалось», – решил он и вздохнул.

«Пошевелился вроде...» – тотчас донеслось от стены справа. Тучи разошлись, давая больше лунного света.

«Да человек же!» – настаивал все тот же беспокойный голос, но ему никто не ответил. В следующее мгновение раздался металлический шелчок, обеспокоивший Клауса – уж не целятся ли в него из арбалета?

«За золото габинч... чийское... На дыбу... На дыбу...» – вспомнил он бессвязный бред пьяницы Брица. Мог ли тот что-то подслушать на темной улице? Да запросто! Кто примет всерьез грязного пьянчугу? При таком говорят не стеснясь.

«На дыбу... Убьют и повесят... Господские слуги... Беги...»

А куда бежать? Если вниз к реке, там открытое место и спрятаться негде. Остается только вперед, до пересечения с Брусничной, а дальше налево и снова к окраине, чтобы проскочить в кузнечную слободу, где мастерских понаставлено да кучи угля. Кто не знает, особенно не побегает!

В какой-то момент Клаусу пришла мысль, что все это лишь дурной сон. Ну да, по-другому и быть не может!

– Клаус, сын прачки Марты, именем лорда Ортзейского и земли Ганускай графа Виндорфа ты арестован! Не смей сопротивляться, ибо это будет зачтено как...

Дослушивать Клаус не стал, он рванулся вперед по едва видимому в темноте прогибающемуся под ногами настилу.

– Держи его! Стреляй в ноги!..

Клаус сиганул вправо, тотчас погружаясь в грязь. Ах, новые сапоги! Ах, новые штаны, за золото купленные!

Щелкнул арбалет, болт с треском врезался в дверь зеленщика Руттерга. Клаус снова выскочил на мостки и понесся что было духу, боясь лишь подскользнуться и шлепнуться на грязную обочину.

– Воры! Воры-ы-ы! – закричала спросонья какая-то баба.

«Вот дура...» – подумал Клаус, сворачивая на Кузнечную улицу, мощенную камнем за счет мастерового народа. Так им было сподручнее возить руду и уголь.

Впереди показался отряд стражников с алебардами и масляными фонарями. Клаус прибавил ходу, надеясь проскочить между ними, однако стражники выставили алебарды.

– Вон он, Хоттерн! Стреляй! – закричали сзади. Клаус бросился влево, и, как оказалось, вовремя. Щелкнул арбалет, и в кирасу самого рослого стражника врезался болт.

Поднялась суматоха, надо было воспользоваться ею и как-то прорваться сквозь шеренгу стражи, однако легко проскочить Клаусу не дали. Чей-то кулак врезался ему в лицо, и он покатился по мостовой, освещенной полудюжиной масляных ламп.

– Руби злодея! – заорал кто-то совсем рядом. Клаус оттолкнулся от стены и перекатился в другую сторону, а в следующее мгновение по мостовой лязгнула здоровенная секира, вышибив сноп искр и каменную крошку, больно хлестнувшую Клауса по уху.

– Руби! – завопили с другой стороны. Клаус разогнался на четвереньках, вскочил на ноги и рванулся к кузнечной слободе.

– Уйдет же! Уйдет, стреляйте кто-нибудь!

Клаус шмыгнул в проходной двор, слыша сзади топот и тяжелое дыхание.

«Убьют!» – подумал он, и эта мысль придала ему сил.

Никогда еще Клаус не бегал так быстро и так много. Он взбегал на кучи угля и резко менял направление, перемахивал через заборы и, замирая, таился в темных углах. Но оторваться ему никак не удавалось, к преследователям подходили все новые силы, и пару раз его едва не схватили.

Поняв, что еще немного – и его поймут, Клаус судорожно выгреб из кармана все свои монеты – золотые, серебряные, медные – и, крикнув «Забирайте свое золото!», швырнул их в стену перед собой, а потом резко свернул налево.

Брошенный в него кинжал пролетел мимо, а звон монет отрезвил загонщиков, заставив сбавить темп. Когда последние из погони стали собирать монеты, первые тоже вернулись к ним и устроили ссору.

Ссора разгоралась, слышались оскорбления и звон мечей, а Клаус продолжал нестись по улицам, потеряв всякую ориентацию.

Наконец, немного поостыв, он понял, где находится, и, выскочив к грязной канаве, побежал к реке.

Другого направления для себя он не представлял, река казалась ему лучшим убежищем.

Добравшись до берега, Клаус остановился, чтобы перевести дух. Где-то в городе еще слышались крики, и собаки заливались злобным лаем, а река мирно несла свои воды к океану. Только теперь Клаус понял, что спасся.

Мазнув ладонью по лицу, он обнаружил кровь, натекавшую из рассеченной брови.

Умывшись и немного попив, Клаус посмотрел на противоположный берег и спросил сам себя:

– Ну и что теперь делать?

Ответом ему был жуткий, полный ужаса вопль, донесшийся со стороны города. Клаус так испугался, что юркнул под дырявую лодку, не зная, что и думать.

Прошло несколько тревожных минут, а потом вдруг послышалось шлепанье босых ног по берегу и всхлипы с жалобными подвываниями.

Голос показался Клаусу знакомым. Вот человек достиг берега, похлебал речной воды и снова стал подвывать, все более убеждая Клауса, что он его знает.

– Ригард... Ригард, это ты?

Всхлипы прекратились, стало тихо.

– Румяный, не бойся, это я, Клаус!

– Кла... Клаус? Шо... Что ты здесь делаешь?

Ригард перестал всхлипать и пошел на знакомый голос.

– То же, что и ты, – ответил Клаус и вздохнул. – Меня стражники гнали и стреляли из арбалета.

– В... в меня тоже стреляли... – поделился Ригард и всхлипнул. – Мамашу напугали...

– Да ты в ночной рубашке, что ли? – удивился Клаус – в слабом свете луны Ригард выглядел как белое пятно.

– В рубашке, да. Как есть голый... Одежку пришлось с собой тащить и сапожки... Все новое, Клаус, тебе такие и не снились! Я за все золотой полуталер отдал, честное слово!

– Ну что же, мой ноги и надевай свои обновки. И как ты их не потерял?

– Как я мог потерять, я же такой одежды в жизни не носил! У купца Стоккриша покупал, с выбором!

– А я у Венцеля.

– Правда? Ты тоже в обновке?

– Да, – Клаус вздохнул. – Наверное, мы вчера совсем немного разошлись, а то бы в одну лавку пошли.

– Наверно... А сапожки у тебя короткие?

– Короткие.

– А курточка суконная?

– Да, серая и с подкладкой.

– А у меня черная.

Перестав всхлипывать, Ригард какое-то время шурился обновками, а потом притопнул ногами – это означало, что он полностью одет.

– И что теперь делать будем? – спросил он, присаживаясь на лодку.

– Не знаю. У тебя деньги остались?

– Нет. Должно, из кармана выпали, когда я штанами тряс. А ты свои куда подевал?

– В стену бросил.

– В стену? Как это в стену?

– Они меня почти схватили, прямо в затылок дышали, тогда я и бросил все, что нашел в кармане, в стенку и так отвлек их. Иначе бы не уцелел.

– Ну... Ну и правильно. Это лучше, чем алебардой получить...

– А кто там орал так страшно? Я даже обомлел.

Ригард хмыкнул:

– Это я стражника уделал.

– Чем уделал?

– А ногтями! Расцарапал рожу одной рукой. В другой-то обновка – сапоги, курточка, штаны... А он меня за рубашку схватил и орет – поймал! Вот я его и уделал.

Ригард хохотнул, но потом снова загрустил и зашмыгал носом.

– Что теперь с нами будет, Клаус?

– Не знаю. Но отсюда нам бежать надо.

– А куда?

– Пойдем вдоль реки, может, набредем на какой-нибудь дальний порт и наймемся на галеру.

– Да, наймемся на галеру! – обрадовался Ригард. – А потом отправимся до самого океана и вернемся через год богатыми людьми, правда? Небось за год все забудется, правильно я говорю?

– Конечно, забудется, Ригард... – Клаус вздохнул. Он и представить себе не мог, как будет жить этот год и на какие средства. Хорошо бы наняться на галеру, но он слышал, что в команды берут людей подготовленных. А какая у них с Ригардом подготовка? Они лишь смотрели с берега да заглядывали на пристани через борта.

В конце концов приятели двинулись на восток, решив до рассвета отмахать миль десять, чтобы пущенные по следу конные стражники не смогли поймать их.

В том, что будет погоня, они не сомневались.

– И зачем мы на это золото позарились... – со вздохом произнес Ригард, когда они отошли от города на полмили.

– Теперь жалеть поздно, – сказал Клаус. – Зато одежду купили. Потом ее продать можно, а сами пойдем в простом.

– Я свою не продам! Я о такой одежке всю жизнь мечтал!

Клаус не ответил.

– Они нас что же, за грабителей приняли? – спросил Ригард через пару минут.

– Выходит, так.

– Но мы же еще дети, Клаус! Разве могли мы солдат поубивать? Что они там думают, эти стражники?

Клаус, немного подумав, сказал:

– Наверно, им все равно, кого хватать. Потом, на дыбе, мы бы во всем признались.

– Как это «на дыбе»?! – воскликнул Ригард и даже остановился.

– Меня Брицай предупредил. Видать, услышал что-то на улице, пока в канаве валялся, и постучался ночью. Бубнит что-то непонятное, я его прогнать хотел, а он и давай говорить – беги, дескать, а то на дыбу отправят и повесят. Вот я и задумался.

– А меня, выходит, ты предупредил...

– Как это?

– Ты мимо моего дома пробежал, мамашу переполошил, вот я и проснулся. И почему-то сразу решил, что это за мной пожаловали. Вскочил как был в рубашке, схватил с лавки одежду, сапоги – и в дверь, а там уже и солдаты со стражниками. Фонари горят, арбалеты клацкают и алебарды, алебарды... Много алебард! Вот я вдоль них и побежал, а они вжик-вжик, да все мимо!

– Жуть какая! – поразился Клаус, живо представив страшную картину, как босой Ригард бежал между отточенных лезвий.

– Да уж. Слушай, а может, в Габинчи рванем, а? – вдруг предложил Ригард.

– А почему не ко двору его королевского величества? – усмехнулся Клаус. – Нет, Ригард, нам теперь нужно по-настоящему жизнь налаживать, ведь мы с тобой, считай, взрослые люди. Такие уже на войну ходят, а мы при мамашиних юбках засиделись. Разве это правильно?

– Ну... – Ригард вспомнил полную съестных припасов кладовку и вздохнул. – Может, ты и прав, Клаус. Может, ты и прав.

18

Капитан-полковник Форнлет стоял перед графом Виндорфом с красным от волнения лицом и, активно жестикулируя, докладывал о ночных событиях. Ему требовалось как можно ярче описать жесткое сопротивление ночных злодеев, поскольку только этим можно было объяснить, почему четыре десятка городских стражников и пятнадцать арбалетчиков графа не смогли поймать двух безоружных подростков.

– У нас есть раненные, ваше сиятельство! Люди с изуродованными лицами и другие – с простреленными латами!

– Они что же, стреляли в вас? – спросил граф.

– Так точно, ваше сиятельство! Несмотря на ранний возраст, они оказались весьма опытными разбойниками! Дрались, как вепри, стреляли из арбалетов, носились по городу, как угорелые, и везде находили содействие!

– Чье же содействие, капитан-полковник?

– Неизвестно чье, ваше сиятельство, но мы выясняем. Каким-то образом оба прознали про облавы и предприняли все преступные меры, чтобы избежать оных! Мы немедленно расследуем все обстоятельства и доложим вашему сиятельству.

Граф покосился на Картоза, но тот поспешно отвел глаза, не желая до времени высказывать суждение о докладе капитан-полковника.

Секретарь лорда давно уяснил, что можно высказывать какие угодно доводы, но лишь в отсутствие тех лиц, кого они касались. Благодаря этому он имел хорошие отношения со всеми офицерами графа Виндорфа, а также со слугами, об усердии которых также предпочитал высказываться в их отсутствие.

– Что намерены предпринять, капитан-полковник?

– Допрашиваем всех родственников злодеев, ваше сиятельство.

– И много их?

– Двое, ваше сиятельство. Матушка первого и матушка второго злодея.

– И что они говорят?

– Не говорят совсем, ваше сиятельство. Только плачут и очень беспокоятся о состоянии собственных чад.

– Ну, это понятно...

Граф подошел к окну и, глядя на улицу, стал наблюдать за прохожими и проезжими экипажами. В гостиницу он перебрался еще до рассвета, дольше стеснять торговцев было неловко, да и условия там были скверные – отхожее место располагалось снаружи и делить его приходилось с двумя дюжинами солдат. А в гостинице «Золотая синица» им удалось занять апартамент из трех комнат с горячим водоснабжением и двумя отхожими местами с фаянсовыми стульчаками – по самой последней моде. И если горячее водоснабжение графу было не нужно, ему хватало одной ванны в три-четыре дня, то к фаянсовым стульчакам он был весьма пристрастен.

Солдаты графа расположились бивуаком на площади напротив гостиницы, где мешали проезду телег и городских экипажей, но это его совсем не заботило.

– Что еще нового? Какие происшествия?

– Воры напали на коннозаводчика из Виспы. Перебили всех, кто был в хозяйстве, лошадей в загонах не тронули.

– Виспа у нас на востоке, значит, напасть могли те же самые воры?

– Так точно, ваше сиятельство!

– Идите, капитан-полковник, проводите свое расследование дальше. И отправьте по всем направлениям разъезды, чтобы держать под надзором все дороги на двадцать миль от Денвера.

– Будет исполнено, ваше сиятельство! – прокричал капитан-полковник, развернулся и, звеня шпорами, вышел в коридор.

– Что думаешь, Картоз, кто напал на габинчийских купцов? – спросил граф, продолжая смотреть в окно.

– Полагаю, это сделал Лефлер, ваше сиятельство. Из лагерей ушли пешими, это им не возбраняется, а лошадей, для скорости злодейства, взяли в Виспе. А коннозаводчика убили, чтоб не болтал.

– М-да, похоже, так все и было. – Граф вздохнул и, отойдя от окна, стал прохаживаться по просторной гостиной. – Жаль, что ночью никого не поймали, нам бы это зачлось в извинениях. А теперь что же, с Лефлером воевать? Положить на это тысячу солдат? Нет, подобное нам совсем ни к чему.

– Ни к чему, ваше сиятельство, дорого очень, – подтвердил Картоз.

– Значит... Дня три еще будем искать беглецов, за это время, если не поймаем, они уйдут за пределы наших владений, а потом станем вытеснять Лефлера. Уж коли наворовался, так пусть и уходит. Перестанем давать дрова и корм для лошадей. Если деньгами обзавелись, дерзить не решатся.

– Не решатся, ваша светлость.

– Но если я заполучу верного свидетеля этого безобразия на дороге, пошлю королю требование на арест Лефлера.

– И это правильно, ваше сиятельство...

Граф немного помолчал и вернулся к окну. Потом усмехнулся и покачал головой.

– Сколько бываю в городе, всегда испытываю странное чувство. С одной стороны, у меня, как у лорда данной земли, десять тысяч голосов в выборах бургомистра, а с другой – повесить его я не имею права. Ну разве не странно?

– На то и городские вольности, ваша светлость. Король получает половину городских налогов и за то дает городам свободы.

– Да понимаю я, все понимаю, но все равно как-то странно, что я на своей земле холопа повесить не могу, хотя бы он и оказался бургомистром.

В дверь постучали, и в отсутствие лакея в коридор выглянул секретарь.

– Чего тебе? – спросил он коридорного.

– Его сиятельство вино требовали, так я могу принести, но... Оно у нас скверное – кислое вино, его только купчины лакают, которые в этом не понимают.

– И что, его сиятельству теперь воду пить?

– Зачем же воду, ваша милость? Возьмите пиво ротбельское, оно на отборном хмелю и на овсе золотистом поджаренном тридцать дней в стеклянной колбе настаивалось, пузырьками пошло. Да еще холодное!

Картоз обернулся, ожидая реакции графа, который, разумеется, все слышал.

– Пусть подадут пиво, – махнул рукой Виндорф. – И кур жареных. Куры-то у них не прокисли?

– Не прокисли, ваша светлость! В сухарях и золотистой корочке! – крикнул из коридора слуга.

– Пусть несут, и будет у нас деревенский обед.

Спустя несколько минут граф уже хрустел поджаренной курицей и потягивал белое пиво из высокого запотевшего бокала. Секретарь скромно сидел у окна на узкой лавке и тоже пил пиво из фаянсовой кружки.

– Плебейское пойло, плебейская еда, а до чего вкусно, – признался Виндорф. – Надеюсь, при дворе не дознаются, что лорд Ортзейский пьет пиво с куриными потрохами. Скандал будет.

– Не дознаются, ваше сиятельство, а если и дознаются, мы на все отповедь дадим.

19

С первыми лучами солнца над убежищем стали виться мухи. Они садились Клаусу на лицо, заставляя его отмахиваться и прятаться в вороте куртки. Однако это лишь добавляло мухам азарта, и они не отставали от Клауса до тех пор, пока он не поднялся и не сел, чтобы оглядеться.

Рядом храпел Ригард, и утренние мухи ему совершенно не мешали.

Клаус сбросил с себя ветки, выбрался из ямы, служившей приятелям убежищем, и подошел к высокой ели справить нужду.

Вокруг, радуясь солнцу, пели птицы, но Клауса ничто не радовало. Ему предстояло как-то налаживать жизнь, ведь возвращаться в город было нельзя.

После скорого двухсуточного марша, который приятели совершили, чтобы не попасться в руки тем, кто, возможно, был послан по их следу, ноги слегка побаливали.

Поначалу они шли по дорогам без опаски, но потом случайно заметили солдат лорда Ортзейского – раньше, чем те увидели беглецов.

Перепугавшись, приятели ушли в непроезжую местность и двинулись по узким тропинкам, отчего их путь становился путанным и слишком длинным.

– Эй, Клаус, я жрать хочу! – крикнул из ямы проснувшийся Ригард. – Сил уже нет терпеть!

Он выбрался из убежища и поскреб всклокоченную голову.

– Сегодня я попытаюсь поймать рыбу, – пообещал Клаус и, приведя в порядок штаны, достал из кармана куртки намотанный на щепку конский волос.

– Что это? – спросил Ригард, подходя ближе.

– Это конский волос, я его на дороге нашел.

– И что ты им будешь делать?

– Сделаю петлю, пойдем ловить вьюнов.

– Вьюнов? Да тут до реки миль пять будет!

– Мы не к реке пойдем, а к озеру – до него меньше полмили станет. Это там, – сказал Клаус, указав на густой ельник.

– Откуда ты знаешь, что там озеро?

– Лягушек слышал, да и крачки озерные оттуда прилетали.

– Ишь ты. – Ригард покачал головой. – А я ничего не заметил.

– Это понятно. Ты на готовое привык, а для меня река много значила. Я, как воды натаскаю, обычно снова на реку возвращался и рыбачил. Когда на сомика, а когда просто петлей.

– Такой же? – спросил Ригард, следя за тем, как ловко Клаус вяжет узелки на конском волосе.

– Да. Только дома делал из шелковой веревочки. Она и вяжется проще, и подлиннее будет. Ну все, идем, заодно и помоемся.

– А чего мыться-то? На свадьбу, что ли, едем?

– Ну хотя бы пот смыть, мы же двое суток, почитай, на ногах.

– Что двое суток, я помню, за это время мы только щавеля поели да пару голубиных яиц выпили, – пожаловался Ригард, шагая за Клаусом, который безошибочно шел к озеру, видя и слыша то, что Ригард не слышал и не видел.

В городе его образ жизни значительно отличался от жизни Клауса, вся работа его сводилась к тому, чтобы встретить мать возле дома бургомистра и помочь ей донести до дома объедки с господского стола, а иногда одежду или обувь, которая не годилась домочадцам бургомистра, но была в хорошем состоянии.

Иногда, если болел закупщик, Ригард бегал на рынок или ездил на осле в ближайшую деревню, чтобы выгадать в цене, тогда за какие-то два дня удавалось заработать серебряный полуталер. Но такое случалось редко.

– Даже не знаю, как мать теперь без меня обходится, – сказал Клаус и вздохнул. – И кто ей воду таскать будет?

– Так она только на себя работать будет, тебя-то кормить не надо, – утешил приятеля Ригард.

– Ну... Тоже верно, – согласился Клаус. – Нужно, как обустроимся, подать им в город весточку.

– Эх, и где же мы обустроимся?.. – вздохнул Ригард и сбил ногой мухомор.

Озеро, к которому они вскоре вышли, растянулось мили на полторы, заполнив некогда бывший здесь глубокий овраг. Вдоль заросшего камышом берега плавали дикие утки, в ряске сновали лягушки, а распустившиеся над черной водой лилии нервно вздрагивали, когда их стеблей касались медлительные сомы или стремительные шуки, искавшие в зарослях поживу.

– Рыбы тут много, – сказал Клаус, останавливаясь на берегу.

– Это ты по кругам на воде определил?

– Нет. На том берегу несколько рыбацких мостков, видишь?

– Не-а.

– Ну и неважно. Если мостки имеются, значит, рыбаки сюда часто ходят.

– И наведут на нас солдат лорда...

– Не наведут. Рыбаки по вечерам приходят или с раннего утра.

– А сейчас чего делают?

– В поле, наверно. Кстати, в случае крайней нужды мы можем и в батраки податься, – сказал Клаус и стал спускаться к воде, вспугивая из травы кузнечиков.

– Да ты в своем уме? Как Эдгар с Дирком, что ли?

– Да, как Эдгар с Дирком.

– Я дерьмо коровье вычищать не буду! – решительно заявил Ригард.

– Твоя воля, – пожал плечами Клаус и стал раздеваться, бережно укладывая одежду на траву. – Только они за деньги работают, а ты скоро будешь готов даже за еду дерьмо чистить. Только представь – вареная картошечка, да политая свиным салом со шкварками и жареным луком. А потом еще толстый ломоть сыра, такой, что из него масло сочится... А еще хлеб от свежего каравая, с корочкой. Представил?

– Да... – признался Ригард и судорожно сглотнул.

– А теперь представь кучу навоза, которую нужно перекидать в тачку и вывезти на огород, а потом можно помыть руки, и милости просим к столу. Каково?

Ригард шумно вздохнул. Перед такой яркой картиной он коренным образом изменил свое мнение и был готов перекидать пять куч навоза, не то что одну.

Клаус разделся до подштанников и стал заходить в воду, раздвигая перед собой высокий камыш.

– Стой тут да смотри в оба, когда рыбу начну выбрасывать.

– А чего на нее смотреть?

– Чтобы обратно в воду не ускакала...

– Ага, понял. А есть что, сырую будем?

– На другую пока не заработали.

Клаус сделал еще шаг, и стена камышей за ним сомкнулась.

– Как вода-то? – спросил Ригард.

– Холодовата, конечно, особенно в камышах... Но дальше потеплее будет...

Чтобы видеть Клауса, Ригард поднялся повыше и стал смотреть, как его приятель поймал руками несколько стрекоз и, выйдя на чистую воду, побросал их в качестве приманки.

Через пару мгновений приманка была съедена, но Клауса это, как показалось Ригарду, нисколько не расстроило. Он не спеша разматывал свою петлю из конского волоса.

Наконец снасть была разложена и заведена в воду, после чего Клаус подбросил еще одну стрекозу.

Ригард замер. От исхода этого мероприятия зависело, поест он сегодня или нет.

Вот Клаус резко подсек и выдернул добычу из воды. Черный вьюн, искрясь на солнце и извиваясь, словно змея, пролетел над камышами и упал в траву. Ригард бросился к нему с берега и перехватил беглеца возле самой воды – вьюн ползал на удивление быстро.

Не успел Ригард сладить с первым, как Клаус предупредил его о следующем:

– Лови, Румяный, он большой!

Второй вьюн оказался в два с половиной фута длиной и фунта полтора весом. Он шлепнулся у берега, и, пока был оглушен, Ригард оттащил его в небольшую песчаную ямку, где уже находился первый.

– Румяный, окунь! Берегись его жабер!

Крупный окунь шлепнулся на траву, перекатился на открытое место и забился, поднимая фонтаны песка. Помня о предупреждении, Ригард ухватил его за хвост и потащил в ямку.

За неполный час Клаусу удалось надергать с десятков разных рыбин, а затем он сплавал к другому берегу, чтобы сорвать полдюжины крупных цветков лилии.

Вернувшись обратно, он выбрался из воды и стал снимать прицепившихся к подштанникам пиявок.

– Еще немного, и они бы выпили твою кровь! – запаниковал Ригард, который видел пиявок второй раз в жизни.

– Не шуми, опасаться нужно тех, которые забрались в штаны, а эти – ерунда, – сказал Клаус, снимая пиявок и бросая обратно в озеро.

– А зачем ты цветов набрал? Продать, что ли, думаешь?

– Их можно есть, Ригард. Ты мыться-то будешь?

– Нет, я туда ни за что не полезу. Эти пиявки – ужас.

– Если не станешь мыться, я тебя кормить не буду. Вон там, чуть дальше, спуск без камышей и дно песчаное, иди и помойся.

Сопrotивляться Ригард не стал и пошел мыться. Отчасти он был благодарен Клаусу за его руководство, ведь дома им распоряжалась мать, а здесь, оказавшись вдали от привычной обстановки, он не мог так сразу привыкнуть к самостоятельности. К тому же подчиняться Клаусу вовсе не зазорно, просто удивительно, как много интересных и нужных вещей умеет делать прачкин сын. И рыбу ловить конским волосом, и щавель находить, и озера определять. Узнав о талантах приятеля больше, Ригард стал чувствовать себя куда увереннее, чем в начале их бегства.

Пока Ригард мылся и по совету приятеля стирал обмотки глиной, Клаус поднялся по берегу и собрал щавеля и дикого лука.

– Ну и что теперь? – спросил его Ригард, когда прополосканные обмотки сушились рядом с сапогами, а сам он издавал запах полыни и водорослей, из которых, также по совету Клауса, делал себе мочалку.

– Рыбу станем разделывать.

– Без ножа?

– Без ножа. Нож можно из камышины сделать, сейчас я тебе покажу.

Клаус сорвал сухую камышину, расщепил ее обломком ракушки и распустил сухую трубочку на несколько тонких, как костная пилка, лезвий.

Рыбу приятели почистили раковинами от ракушек, у Ригарда получалось не очень хорошо, хотя дома чистить рыбу ему приходилось часто.

– С мамашей-то каких рыб чистил? – спросил Клаус, отмахиваясь от надоедавшего слепня.

– Его милость господин бургомистр карпа очень уважает. Особенно тушеного в сметане. Ох, не могу вспоминать, живот подводит!

– Цветок скушай, полегчает, – посоветовал Клаус. – Обери лепестки и оторви стебель, остальное можешь есть.

Ригард не мог дольше терпеть голод и, последовав совету приятеля, съел один за другим два цветка лилии.

– Ну и как тебе? – спросил Клаус, заканчивая разрезать рыбу.

– Болотом воняет, но есть можно. Даже сытость какая-то появляется...

– Ну вот, теперь покушаем сырой рыбки со щавелем и диким луком.

– И часто ты ее так ел? – спросил Ригард, когда Клаус отошел помыть руки.

– Сырую никогда не ел. Я ее обычно запекал в листьях дикого хрена.

– Ну давай, начинай первым, а я за тобой прилажусь.

И они начали есть, сначала немного морщась, а затем все быстрее, обильно сдабривая сырую рыбу щавелем и диким луком.

– Откуда ты столько всего знаешь, Клаус? – спросил Ригард, когда они наелись до тяжести в животах.

– Я же на реке все время, а там у городского берега много приезжих из порта. Пока галеры на погрузке или на ремонте, моряки без дела шляются, а если денег нет, то дальше реки делать нечего. Вот и пьют червивку, пекут брюкву и хвастают кто во что горазд. Они мне много чего рассказывали, а когда пьяные, так еще и перебивают друг друга. Вот я постепенно и образовался по их наукам.

– И кто бы мог подумать, что это нам так скоро пригодится, – сказал Ригард.

20

После обеда приятели надели сапоги на чистые обмотки и снова тронулись в путь, держась юго-восточного направления.

Все большие дороги они обходили стороной, чтобы не столкнуться с людьми лорда Ортзейского, но, когда, избегая озер и сырых балок, все дороги сходились в одну, приятелям приходилось идти по ней, рискуя быть пойманными.

В один из таких вынужденных переходов Клаус нашел смятую колесами серебряную пряжку. Совсем маленькую, но за нее можно было выменять большой кусок хлеба, а то и целый каравай.

– Давай прямо сейчас в деревне жратвы наменяем! – тут же предложил Ригард.

– Нет, Румяный, мы это на потом отложим, – возразил Клаус, убирая пряжку в карман. – Пусть полежит для крайнего случая.

– А жрать снова сырую рыбу будем? – раздраженно поинтересовался Ригард. В этот момент за поворотом послышался стук возов, и приятели спрятались в придорожных кустах.

– Можно и рыбу, – сказал Клаус, поглядывая на крестьянскую телегу, груженную прошлогодней брюквой. – Сейчас пройдем низинки, а на холмах снова будет лес, там можно поискать прошлогодних орехов.

– А если их не будет?

– Придумаем что-нибудь. Уже завтра мы точно будем в пределах другого лорда, там и найдемся на какую-нибудь работу, чтобы подкормиться.

– Какую работу?

– Да хоть воду таскать. Для меня это как прогулка, вон руки какие – до колен оттянуты.

Клаус вышел на дорогу, комично согнувшись, чтобы хоть так приободрить своего склонного к панике приятеля.

Пантомима подействовала, Ригард засмеялся. Но скоро снова посерьезнел и со вздохом признался:

– Мне стыдно, что я все время ною и есть прошу, но я же с детства самые лучшие харчи кушал с утра до позднего вечера, и никто меня этим не попрекал. Как только в фигуре остался...

– Не переживай, Румяный, сохраним мы твою фигуру, чтобы, когда вернемся, мамаша тебя сразу узнала, – подбодрил его Клаус.

– А мы правда вернемся? Хорошо бы через год, да чтобы богатыми! Я, с такими деньжищами, сразу сватов к Ядвиге зашлю! Поскорее тебя, пока ты побежишь домой воду таскать!

Ригард ожидал обычной в таком случае болезненной реакции Клауса, но тот лишь слабо улыбнулся.

– Так чего, не торопиться мне к Ядвиге со сватами? – снова спросил Ригард и толкнул Клауса в бок.

– Ядвига осенью замуж выходит...

– Откуда ты знаешь?

– Слышал, – обронил Клаус и отвернулся.

– Ну, я тогда к дочери мельника Мохеля, у него четыре мельницы!

– И дочери две. Ты к какой свататься будешь?

– Так они похожи, мне все равно к какой, – махнул рукой Ригард, и приятели рассмеялись.

Они вышли за поворот, огляделись и пошли дальше по большой дороге.

Им еще дважды пришлось прятаться на обочине, пока овраги остались позади и дороги снова разбежались в разные стороны.

Поднявшись наконец в заросшие смешанным лесом холмы, приятели решили поискать орехов.

– Давай так: я пойду по низинке – там вроде болотце, может, дикой моркови найду, – предложил Клаус. – А ты давай по холму, тут на деревьях могли остаться орехи, если их белки не съели. Шагов через пятьсот на дороге встретимся.

– Там мне их считать, что ли? – не понял Ригард.

– Ну, это я примерно. Если что, на дорогу выйдешь и покричишь, я услышу.

– Ну ладно, – согласился Ригард. Ему не терпелось поскорее наестся орехов, и он стал быстро подниматься на пологий склон, а Клаус пошел вниз, уже чувствуя запах старого болота.

Под ногами шуршала подложка из старых листьев, по стволам сосен скакали потревоженные бурундуки. Где-то наверху вскрикнула сойка, вот она сорвалась с ветки и полетела прочь. Клаус постоял, глядя вверх, туда, где по макушкам деревьев ударил порыв ветра.

Как зачарованный смотрел он на падавшую прошлогоднюю хвою, а затем поспешил вниз, где виднелся край болотца с клочками яркой зелени.

Вскоре ветер успокоился, но в наступившей тишине Клаус почувствовал легкий озноб.

Возле болота оказалось совсем прохладно, здесь не вилась мошकारа, а ряска не была потревожена ни следами лягушек, ни чирков.

Приметив несколько кустов купыря, Клаус выдернул их и, ополоснув корни в воде, довольно заулыбался. Они были крупнее тех, которые росли у речных заводей, и имели настоящий морковных запах.

«Румяный будет доволен», – подумал Клаус.

Возле Ригарда он чувствовал себя старшим братом, тот все время капризничал и постоянно требовал еды.

Двигаясь вдоль болота, Клаус собрал еще несколько больших корней купыря и отломил стебли, чтобы не тащить лишнего. Потом ему попалась молодая рябина, на нижних ветвях которой сохранились гроздья прошлогодних засохших ягод. Они почти не имели вкуса, но Ригарду вполне бы сгодились.

Рассовав корешки и ягоды по карманам и пройдя еще немного, Клаус решил подниматься к дороге, но неожиданно столкнулся с густыми зарослями ядовитого боярышника, листья которого больно жглись. Пришлось обходить его по берегу, постепенно втягиваясь в сырой березняк, где пахло весенними грибами, а из глубины мутных ставков поднимались белые пузыри.

Ядовитые заросли на склоне закончились, и Клаус свернул направо, чтобы начать подъем, но неожиданно за большим трухлявым пнем увидел человека, который цеплялся за сырую землю скрюченными пальцами, пытаясь отползти от ставка со взбаламученной водой.

Клаус вскрикнул от испуга и едва не побежал прочь, однако перекошенное от страданий лицо старика остановило его, заставив преодолеть страх.

– Что с вами, дедушка? – спросил он, переходя на фальцет, хотя уже видел, что ноги незнакомца опутаны набухшими бурыми водорослями, которые тащили старика в ставок.

– Помоги, – прохрипел несчастный, и Клаус схватил его за руку, чтобы оттащить от жуткой ямы, однако это было не так просто. Водоросли наливались силой и, потрескивая, увеличивались в объеме, стаскивая в яму уже не только старика, но и ухватившегося за него Клауса.

– У меня не получается! – в отчаянии закричал он, видя, как проскальзывают по траве сапоги.

– Серебро... – прохрипел старик. – Брось туда серебро...

– Какое серебро? – не понял Клаус. Ему показалось, что старик бредит.

– Любое... Серебро... Он боится... серебра.

«Но у меня нет денег!» – в отчаянии подумал Клаус, однако тут же вспомнил о смятой серебряной пряжке и, выхватив ее из кармана, швырнул в ставок.

Раздался громкий хлопок, горячий пар ударил в стороны, Клаус шлепнулся на траву и зажмурился.

– Вставай, теперь он уже не страшен, – произнес кто-то рядом.

– Что? – переспросил Клаус и, открыв глаза, увидел того самого старика. Теперь он стоял на ногах, одной рукой отряхивая длиннополую одежду, а другой опираясь на посох.

– Молодец, что не струсил, за это тебе змейки помогать будут. Ну, бывай, Клаус, хорошего тебе путешествия.

С этими словами старик шагнул за куст бузины и исчез, будто его здесь и не было.

Клаус поднялся и стал оглядываться, полагая, что старик все еще где-то поблизости. Он обошел куст бузины, но обнаружил лишь нетронутые заросли крапивы. Клаус покосился на ставок, из которого тащил старика. Вода там все еще была мутной, однако болотные мошки уже скакали по ее поверхности как ни в чем не бывало.

«Пригрезилось мне, что ли?» – подумал он и, оглядевшись последний раз, стал подниматься к дороге, продолжая прислушиваться после каждого шага.

Оказавшись на дороге, Клаус, однако, в нерешительности остановился, он не узнал местности.

Несколько сухих деревьев лежали поперек колеи, рассыпавшись в труху, а все обочины были присыпаны сбитой хвоей и листьями.

– Ригард! – позвал Клаус, забеспокоившись о своем товарище.

– Я здесь! Здесь! – откликнулся тот, выбегая на дорогу. – Ты видел, что случилось-то, видел?!

– Что случилось? – спросил Клаус, осматриваясь.

– Слышал, какой гром вдарил?! Я страсть как перепугался, деревья повалились, хвоя посыпалась! Вон и мне за шиворот набилось.

Ригард стал крутиться на месте, пытаясь достать из-за ворота еловые иголки, но Клаус схватил его за локоть и потащил прочь, приговаривая:

– Пойдем отсюда скорее! Потом почешешься!

21

До вечера удалось пройти еще несколько миль, сделав три привала, и всю дорогу Ригард говорил только о еде.

Дикой моркови и сушеных ягод ему хватило ненадолго, и он вновь и вновь предлагал найти озеро, чтобы поймать рыбы, однако Клаус отказывался, желая поскорее и наверняка выйти за пределы земель лорда Ортзейского и уже завтра путешествовать по большим дорогам.

– А какая нам выгода от больших дорог? – спросил его Ригард, когда напарники уже укладывались спать на старом почерневшем сене, остатки которого нашли на лесной опушке.

– Там много разных людей попадаетеся, может, работу найдем...

– Хорошо бы, – вздохнул Ригард, глядя в небо, где появлялись первые звезды. – Только давай в первой же деревне поменяем пряжку на хлеб.

– Нет уже никакой пряжки, – отозвался Клаус.

– Как нет? Потерял?

Ригард приподнялся на локте, сиюсь разглядеть лицо Клауса. Он надеялся, что приятель его разыгрывает, ведь малый кусочек серебра был их шансом хоть раз отведать настоящей еды.

– Нет, не потерял, – после паузы ответил Клаус. – Наверно, это как-то связано с громом, когда деревья валились...

– Да что связано-то?

Где-то ухнул филин, и стрекотавшие в кустах цикады разом смолкли.

– Страшновато здесь, – признался Ригард, зарываясь в сено.

– Я эту пряжку серебряную... в яму с водой бросил, оттого, наверно, и гром был...

– А чего ты таким голосом говоришь? – еще больше забеспокоился Ригард.

– Да я все еще не верю до конца в то, что видел.

– А что ты видел? – прошептал Ригард.

– Я увидел старика, которого утягивала в яму... какая-то сила...

– Какая сила? – едва слышно спросил Ригард, еще глубже прячась в сено.

Шагах в двадцати от них по дереву ударили колотушкой. Клаус вздрогнул и потянулся за тяжелым сучком, который на всякий случай положил рядом с копной. Теперь он мог пригодиться.

– А вдруг это волки?

– Нет здесь волков. Они в таких лесах не водятся, – уверенно заявил Клаус, хотя эта уверенность в темном лесу давалась ему трудно.

Едва дыша от страха, они с полчаса лежали не шевелясь, пока в кустах не застрекотали очнувшиеся цикады.

– Что дальше было? – шепотом спросил Ригард, выглядывая из сена.

– Еще немного, и его бы утащили в яму... А я схватил его за руку и попытался помочь...

– И чего?

– Тогда и меня тоже потащило в яму...

– Страх какой, Клаус! – воскликнул Ригард и снова накрылся сеном. – Тебе это привиделось, да? Ты меня напугать хочешь?

– Я не знаю. Потом мне стало казаться, что привиделось. Но старик сказал, чтобы я бросил в воду серебро, а монет у меня не было, вот я и бросил пряжку. От нее из воды пар ударил, и я упал...

– А старик?

– Он вроде поблагодарил меня, шагнул за куст и исчез...

– А какой он из себя был, страшный?

Клаус задумался, пытаясь вспомнить, каким был старик, но, кроме длинной бороды, ничего не вспомнил.

– Он был с бородой и большим костылем.

– С посохом?

– Да.

– А это не колдун был?

Из леса донесся тяжкий вздох, Клаус с Ригардом замерли.

– Лось, наверно... – прошептал Клаус.

– Вдруг он пришел сено есть? Вдруг это его сено? – также шепотом спросил Ригард.

– Сено летом не едят. Сейчас травы полно.

Они подождали еще немного, и постепенно, вместе с оживлением цикад, ушел и страх.

– Нет, я не думаю, что он колдун, – сказал наконец Клаус. – Он добрый, мне так показалось. И вообще, давай спать.

– Я теперь не усну! После таких-то сказок!

– А ты усни. Нам завтра на работу наняться нужно, чтобы хорошо поесть. Тут недалеко деревня, там и попытаем счастья.

– Откуда ты знаешь, что рядом деревня?

– Когда мы шли, дымом пахло и горелым жиром, так пахнет дым из жилища.

22

Несмотря на доносившиеся из леса странные звуки, которые время от времени будили Клауса с Ригардом, ночь прошла благополучно, и утром приятели чувствовали себя бодро, хотя спать пришлось на земле, да еще и голодными.

Завтраком для них снова стал щавель и несколько маленьких луковиц дикого чеснока.

Выбравшись на дорогу, приятели прошли под утренним солнцем всего пару миль, и тут увидели деревню домов на пятьдесят, стоявшую на высоком берегу извивавшегося между лесистыми холмами озера.

– А вот это хорошо, – сказал Клаус, заметив, что у нескольких домов земляные лесенки ведут к самой воде.

– Что хорошо? – не понял Ригард.

– Хорошо, что у них огороды высоко. Значит, воду таскать нужно.

– А почему бы им внизу огороды не сделать?

– Места мало, да и заливать их весной будет.

– А-а, – кивнул Ригард, хотя ничего не понял. В отличие от Клауса, он за пределами города почти не ориентировался.

Перейдя через озеро по крепкому мосту, они поднялись на главную и единственную улицу деревни. Было утро, хозяйки готовили завтрак, аппетитные ароматы атаковали голодных путников со всех сторон.

– Я сейчас в обморок упаду, – жаловался Ригард. – Давай уже наниматься скорее!

– погоди, – отмахнулся Клаус, внимательно приглядываясь к каждому дому и к тому, в каком состоянии находятся посадки в огородах.

Почувствовав чужих, за заборами залаяли собаки. Кое-где на улицу вышли любопытные, но Клаус не обращал на них внимания, он уже наметил нужный дом.

– Вот, смотри, Румяный. Дом богатый, каменный, и черепица новая, в прошлом году поменяна, а огород подсох, уже неделю не поливался. Сюда мы и обратимся, друг любезный.

– Как знаешь, – пожал плечами Ригард, и Клаус свернул к калитке, выкрашенной глиняной краской.

Взявшись за медное кольцо, он стукнул пару раз, но на стук откликнулась только собака, залаяв где-то в глубине двора.

Немного подождав, Клаус постучал еще и увидел, как в окне шевельнулась занавеска.

Приятели стали ждать. Вскоре на высоком крыльце появился хозяин, широкоплечий бородатый мужчина в простой рубахе. Вдруг сильно закашлявшись, он перевел дух и стал медленно спускаться по ступеням.

Клаус с Ригардом переглянулись, оба чувствовали легкое волнение.

Наконец калитка открылась, и они сумели оценить стать хозяина. Парни были рослыми, но хозяин дома обходил их на целую голову, а в плечах был вполтину шире. Его черные колючие глаза скользнули по одежде путников, и только после этого он обратил внимание на их лица.

– Кто такие и чего надо?

– Здравствуйте, – сказал Клаус, кланяясь. – Мы проходили мимо и увидели, что у вас огород не политый, а столько труда вложено – вон как все окучено и дорожки ровные, но теперь все пропадает.

– Полить огород хотите? – после небольшой паузы уточнил бородач и, вздохнув, снова закашлялся и кашлял целую минуту, отчего сделался бледным и долго приходил в себя.

– Сам... Сам бы давно полил, но вот лихоманка навалилась, должно, неделю еще перхать буду...

- В таком случае помощь вам не помешает, – добавил Клаус.
- Не помешает, – согласился хозяин. – А чего хочешь за это?
- Покормите нас хорошо, вот и рассчитаемся.
- Ага. – Хозяин снова вздохнул, но прорывавшийся кашель сдержал. – А что ж так-то?

Одежка-то у вас добротная, а денег нету?

- Поиздержались, – сказал Клаус.
- Поиздержались, – повторил Ригард.
- Ладно, заходите.

Хозяин подался в сторону, пропуская работников, потом выглянул на улицу, заставив спрятаться за заборы любопытных, и, вернувшись во двор, закрыл калитку.

- Ну, пойдем огород смотреть, – сказал он, и работники двинулись следом.

После подробного осмотра грядок и подсчета, куда и сколько требовалось влить воды, оказалось, что потребуется шестьдесят ведер, или тридцать походов вниз, к озеру, и обратно.

Дело это было нелегкое, даже Клаус никогда не таскал так много воды, ограничиваясь десятком ведер – пять на кипячение и пять на ополаскивание, правда, до реки в городе было куда дальше, чем здесь – до озера.

Выдав работникам тяжелые деревянные ведра, хозяин ушел в дом, а Клаус и Ригард стали спускаться к озеру.

– Эх, завянем мы с такой работой! Шестьдесят ведер – это ж руки отвалятся! – начал паниковать Ригард.

- Сделаешь десять ходок, а я двадцать.

– Я и одной-то не смогу сделать, я ж не такой, как ты, – двужильный. Я лишь картошку иногда подтаскивал, но только до осла, а потом – от осла до дома бургомистровского, там работники принимали.

- Ничего не поделаешь, хорошая еда стоит дорого. А еда у этого хозяина хорошая.

- Почему ты так решил?

– Потому, что он здоров и широк в плечах, а такие люди едят хорошо. Да и хозяйство у него вон какое: и свиньи, и гуси, и куры...

Они спустились к добротно сбитым мосткам, и Клаус, чтобы сэкономить силы Ригарда, сам зачерпнул для него воды.

- Иди и не торопись, чтобы не плескаться на дорожку, а то ходить будет скользко. Понял?
- Понял.
- Ну иди.

23

Пока работники таскали в огород воду, хозяин присматривал за ними в окно. Тот, что посуше, действовал умело, не спотыкался и еще помогал второму, перехватывая его ведра, чтобы правильно вылить, а из его напарника работник был никудышный. Лицо его скоро стало красным, и он часто отдыхал, ставя ведра на землю, в то время как его товарищ работал не останавливаясь.

Свои куртки работники повесили на ограду, глядя на них, хозяин дома покачивал головой, повторяя:

– Хорошие кафтанчики, ох и хорошие кафтанчики! А сапоги-то, сапоги тоже отменные, качество парадное – полковникам такие носить, а не этим мозглякам... Только полковникам...

Отойдя от окна, хозяин снял с полки деревянную коробку, открыл крышку и, заглянув внутрь, слегка потряс ее. Фиолетовые кристаллы заиграли на свету, доказывая, что они в полной готовности – только насыпь.

– Нет, так нельзя, – покачал головой хозяин и, закрыв крышку, поставил коробку на место. Потом вернулся к окну и, снова посмотрев на работников, вздохнул. – Кабы не хвороба, сам бы все сделал, а так...

Подумав еще минуту, он махнул рукой и, выйдя во двор, двинулся в сторону соседского дома, а подойдя к забору, разделявшему два хозяйства, крикнул:

– Эй, Кускит!

– Здесь я, – угрюмо ответил сосед, появляясь из сарая, где чинил тележное колесо.

– Подойди сюда.

– А на что?

– Поговорить надо.

Кускит оставил инструменты и подошел к забору.

– Чего звал, Ворбит?

– Ближе подойди, дело такое, что шуму не надобно.

Ворбит огляделся и положил руки на забор. Кускит тоже подошел и остановился в двух шагах. Его собака залаяла, пришлось на нее прикрикнуть.

– Слышь, Кускит, дело у меня к тебе. Видишь моих работников?

– Вижу, – покосившись на огород соседа, ответил Кускит.

– Кафтанчики их видишь, на заборе висят?

– Ну...

Ворбит снова огляделся.

– Давай уьем их, одежду продадим – серебра немало выручим, там одни сапоги на серебряный талер потянут.

– А сам-то чего?

– Хвораю я, ты же знаешь.

Ворбит покашлял, чтобы сосед видел, в чем причина.

– Ну так отрави их – и всего делов.

– Да я думал, только не годится это. Заблюют они одежду, а этого допустить никак нельзя. Лучше, конечно, придушить. Как в прошлый раз, помнишь?

– Не хочу я. Мне и те до сих пор снятся, ответа требуют. Не хочу я в это дело лезть, чтобы потом в деревне говорили.

– Ну, не хочешь, и ладно.

Ворбит сделал вид, что его и самого это дело совсем не интересует.

– Чего строгаешь-то?

– Спица сломалась.

- Понятно...
 - Кускит, куда корыто подевал, я найти не могу?! – донеслось со двора.
 - Баба твоя?
 - Ага.
 - А давай ее убьем? – неожиданно предложил Ворбит и, видя, как расширяются глаза соседа, хрипло засмеялся: – Не пугайся, Кускит! Шуткую я, шуткую!
- Продолжая смеяться, Ворбит повернулся и пошел к своему дому.

24

Еще понаблюдав за временными работниками, Ворбит прикинул, что примерно через час они закончат, и полез в подпол, чтобы достать еды.

Хоть Ворбит и жил бобылем, хозяйство у него было крепкое, в подполе имелись и пенное пиво, и смалец, и солонина, и копченый окорок. А еще солений без счета, варенье ягодное и пчелиный мед.

Заставив стол угощениями, Ворбит вышел в огород и двинулся вдоль грядок, проверяя работу. Воды везде хватало, кое-где она даже стояла.

У забора Ворбит пощупал материал сначала одной, потом другой куртки и остался им доволен.

– Знатные кафтанчики, – повторил он и стал дожидаться возвращения работников, которым оставалось принести по паре ведер.

Наконец они поднялись по лесенке, вылили в грядки воду и, сдав хозяину ведра, снова спустились к воде – помыться.

Ворбит еще раз полюбовался на куртки и вернулся в дом, чтобы нарезать окорока и разложить по тарелкам соленья.

Увидев возвращавшихся с мокрыми головами работников, он стукнул в стекло и махнул, чтобы заходили, а сам налил в плошку свежего меда и насыпал в соломенную хлебницу простых калачей.

Работники сняли сапоги на крыльце и вошли в одних обмотках – уже отполосканных; от них на некрашеном полу остались мокрые следы.

– Ничего, что мы тут наследили? – спросил Клаус.

– Пустяки – высохнет, – сказал ему Ворбит. – Садитесь, братцы. Хорошо поработали, теперь можете и брюхо набить. Ешьте, ничего не жалко.

– Ух ты! – поразился Ригард, увидев стол во всем великолепии наполненных тарелок и плошек.

– Это я еще хвораю, а то бы и хлеб испек, и кулеш подал... – сказал Ворбит. – Так что извиняйте, горячего нет. Вон и печка не топлена.

– И за это... большое спашиба... – прошамкал Ригард, набивая рот копченым мясом.

– Ешьте, а я пойду вам легонького пива нацежу, чтобы после тяжелой еды брюхо не болело.

Ворбит вышел в темную комнату, где стояло поднятое из подвала пиво, и, налив полмеры в чистый кувшин, выглянул за дверь, проверяя, на месте ли гости.

Те никуда не девались, торопливо поедая угощение. Ворбит усмехнулся и, сняв с полки узкую баночку с сонным порошком, отмерил половину ложки и высыпал в пиво. Это была небольшая порция, чтобы гости не заподозрили отравление и не выбежали на улицу.

Взболтав порошок в пенящемся пиве, Ворбит нацепил на лицо улыбку гостеприимного хозяина и вышел с кувшином к гостям.

– Ну вот, теперь и запить есть чем! – сказал он, наливая пиво в высокие глиняные стаканы.

Клаус понюхал белоснежную пену:

– Вкусно пахнет. С травами, что ли?

– С ними, с пряными. Я бы и сам с вами выпил, да не могу из-за хвори. Только отварами и спасаюсь, а пиво очень люблю.

– Тогда мы выпьем за здоровье хозяина, – сказал Ригард, беря свой стакан.

– Не возражаю.

И работники выпили. Они похвалили пиво и снова навалились на еду, а Ворбит сейчас же наполнил стаканы.

Так повторилось несколько раз, пока, наконец наевшись до отвала, гости не стали сонно позевывать.

– Ну все, нужно идти, – сказал Клаус.

– После такой еды спать хочется, – признался Ригард и широко зевнул.

– Ничего, как-нибудь разойдемся. Понемногу...

– Да куда вам с тяжелым брюхом топать? Поспите в сенном сарае пару часиков, а потом пойдете.

– Ну... – Клаус пожал плечами. – Не хотелось бы вас стеснять.

– Да чего там стеснять? Там только сено прошлогоднее, но хорошее, не гнилое, да старые седла, в починку которые. Идите и спите, а как проснетесь, топайте восвояси, задерживать не буду.

– Давай поспим, Клаус, а то все время в лесу да в лесу – надоело.

– Ну хорошо, раз хозяин разрешает...

Клаус поднялся и погладил живот.

– Идите, ребята, а я вам тут немного в узелок положу.

– Вы очень добры, хозяин.

– Люди должны помогать друг другу, разве не так?

– Так, конечно, большое вам спасибо.

Когда сытые и сонные гости вышли во двор, Ворбит приник к окну и сопровождал их взглядом, пока они не вошли в сенной сарай.

Дверца закрылась, а это означало, что все идет по его плану. Через полчаса они захрапят, и тогда он получит два комплекта дорогой одежды, которую не могли себе позволить и городские щеголи.

Постояв у окна несколько минут и убедившись, что из сенного сарая никто не вышел, довольный собой Ворбит вытащил из-за печки испытанную дубинку в три фута длиной. Она была вырезана из дубовой доски, выварена в рыбьем клее и обита для весу медными сапожными гвоздями.

– Ну что, поработаем сегодня? – обратился Ворбит к дубинке, и хотя она ему не ответила, Ворбит был уверен – дубинка его поняла.

Пододвинув стул, он сел к окну и стал смотреть на дверь сенного сарая, дожидаясь момента, когда, по его мнению, можно будет начать дело.

25

Клаусу снился его город в праздничный день. Кругом играла музыка, продавались обливные пряники, и сам бургомистр ходил в клоунском колпаке и призывал горожан веселиться. Настроение у Клауса было отличное, на нем были сапоги с парчовой отделкой, камзол с золотыми пуговицами. Знакомые говорили ему: «Привет, Клаус!», а незнакомые обращались «ваше превосходительство».

Где-то в толпе мелькало синее платье Ядвиги. Клаус шел следом, чтобы поговорить с ней, но всякий раз кто-то становился перед ним, и Ядвига снова ускользала, оказываясь на два ряда дальше.

«Да что же это такое?» – сердился во сне Клаус и отталкивал неуклюжих мужиков, глазевших по сторонам и всякий раз мешавших ему подойти к Ядвиге, когда до нее было рукой подать. Но вот наконец ему удалось догнать красавицу. Ах, Ядвига, как же она хороша!

«Ты чего бегаешь за мной, оборванец?»

«Я не оборванец! Посмотри, какой на мне камзол!» – воскликнул Клаус, но Ядвига лишь рассмеялась, и ее поддержали все, кто находился рядом. И они были правы, ведь на нем не было никакого камзола, а только старая в заплатках куртка, моряцкие штаны и стоптанные башмаки. Хорош «его превосходительство», нечего сказать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.